

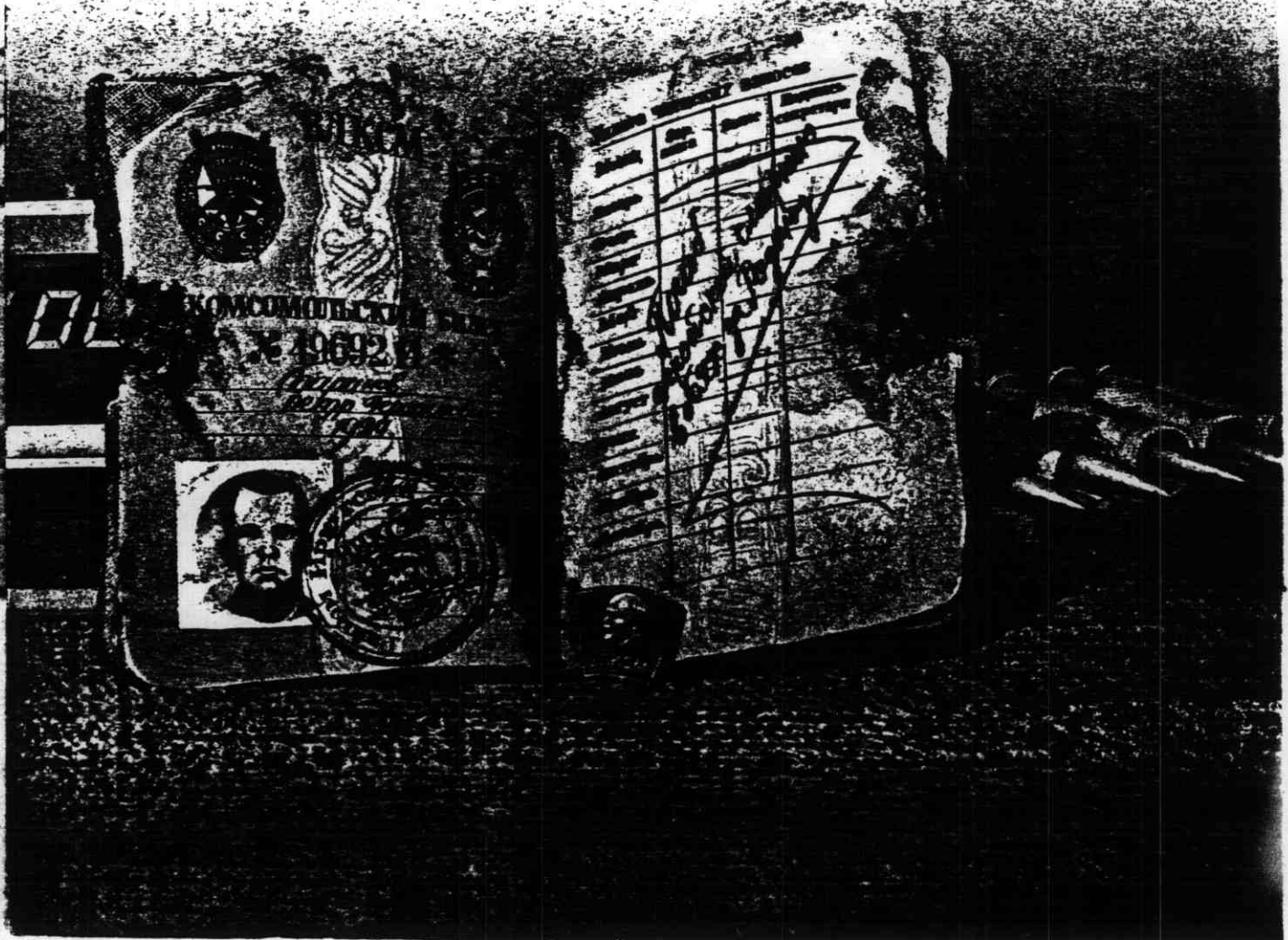
С. Хармонь 6
ISSN 0132-2036

ЮНОСТЬ

15. NOV. 88

10 '88

INFOCENTER



Запустение черновыльских дворов, устланных черными, упавшими на землю яблоками. Кучи хлама на задворках общежитий: выброшенные респираторы, старые вещи, которые «фонят», раскуроченные легковые автомобили с намалеванными на бортах номерами, горы казенных пожелтевших бумаг — остатки ушедшего навсегда «довоенного» мира. И портрет Брежнева, венчающий одну из таких радиоактивных свалок...

Во дворе одного из общежитий я увидел типично черновыльского аборигена: некто в черном бесформенном комбинезоне, шапочке, респираторе, резиновых сапогах, с дозиметром на груди подошел к колонке с водой. Наклонился. И вдруг я распознал очертания женского тела — неунитожимо прекрасные знаки жизни и любви. Некто сбросил шапочку и респиратор — и золотистые волосы разместились на ветру, засветились на солнце. Незнакомка подставила руку под струю воды и улыбнулась.

Господи, каким гением чистой красоты оказалась мне эта обычная женщина здесь, в Чернобыле. Что привело ее сюда? Профессиональный долг, авантюрная страсть к острым ощущениям, любовь?

Женщина в Чернобыле... В большом цехе бывшей черновыльской станции техобслуживания автомобилей была открыта столовая, которую местные остряки окрестили «кормоцехом». Вход в «кормоцех» охраняли дозиметристы, время от времени выгонявшие тех разгильдяев, что приносили сюда со стройплощадки свое «свечение». Потрясала черная одинаковость людей в бушлатах и комбинезонах, ватниках и спецках, в чепчиках, «афганках» и беретах, молча уминающих свой обед, — у всех были не только одинаковые костюмы, но, казалось, и одинаковые лица, серые от усталости. И в этом угрюмом мире чернорабочих атомной аварии как-то особенно трогательно выглядели милые разгоряченные лица девушек, работавших на кухне.

Весной 1987 года я уже встречал на темных, вымерших улицах Чернобыля влюбленные парочки в стандартной униформе. Интересно будет узнать о судьбе «черновыльских» семей, сложившихся в Зоне, — а таких не одна, — о судьбе их детей. Интересно не только генетикам...

Я знаю женщин, которые делят со своими мужьями все тяготы здешней полупоходной, неустроенной жизни. Но хочу рассказать о женщине, которая живет сейчас в Москве, хотя и продолжает работать на ЧАЭС. Уже в мае позапрошлого года здесь ходили слухи о жене одного из сотрудников АЭС, попавшего в московскую клинику № 6. Женщина эта будто бы пошла работать в ту больницу, чтобы быть рядом с мужем, чтобы облегчить ему страдания. Рассказывали, как после смерти мужа она продолжала ходить по палатам и подбадривать обожженных, страдающих людей, говорить им, что муж держится молодцом и они тоже должны держаться, не падать духом, а эти ребята уже знали, что муж ее умер, — и они плакали, отвернувшись к стенке.

Рассказ этот звучал как легенда, но потом я узнал, что история эта не выдумана. Я разыскал эту женщину и записал ее рассказ.

Эльвира Петровна Ситникова, инженер Чернобыльской АЭС по дозиметрической аппаратуре:

«Мой муж, Анатолий Андреевич Ситников¹, бредил этими атомными станциями. Он говорил: «Ты представляешь — держать в своих руках миллион киловатт!»

Когда началось строительство Чернобыльской АЭС, я осталась в Николаеве, у родственников, а он здесь, в общежитии, жил вместе с Орловым². Как они жили — это невероятно. Я один раз приехала, посмотрела: впроголодь, в ужасных условиях. Но им было не до того — они работали. В 1977 году, когда мы получили квартиру в Припяти, я приехала с дочерью и всегда была рядом с ним. Первый блок в сентябре пускали. Он приходил с работы... Бывало, к стене прислонится, глаза сияющие, а сам аж падает от усталости. Говорит: «Боже мой, что сегодня было... мы держали... три минуты держали блок... А казалось — три года! Мы удержали блок!»

У нас восемь лет машина была, но мы ни разу на юг не съездили. Все ему некогда было. Он не пошел в отпуск и в восемьдесят пятом году — в начале лета был назначен заместителем главного инженера по эксплуатации первого и второго блоков. А потом... потом я через год компенсацию за два отпуска получила...

Все работа и работа. До чего дело доходило: директор в отпуске, главный инженер у нас болен был, замглавного по науке в отъезде. Ситников оставался один. По станции шутки ходили: зачем, мол, администрация, если один Ситников есть. Он не боялся ответственности. Все на себя брал. Подписывал все графики. Но все изучал — дома вечером все перечеркнет, исправит, — только тогда свою подпись поставит. Я уверена, что, если бы у него этот эксперимент шел, ничего бы не было, никакой аварии. Когда пускали четвертый блок, спешили, все графики поломали. Муж выступал против спешки. Тогда первый секретарь горкома Гаманюк по плечу его похлопывает: «Ты парень горячий очень, молодой, успокойся, остепенись, нельзя так».

А в ту ночь... он просто встал да пошел, как всегда это делал. Чисто солдатски. Сказал мне, что случилось несчастье, надо быть там. И все...

На следующий день, поздно вечером, когда всех получивших большую дозу увозили в Москву и я прощалась с ним у автобуса, я спросила: «Толя, почему ты в блок пошел?» А он: «Ты пойми, кто лучше меня знал блок? Надо было ребят

Юрий
ЩЕРБАК

ЧЕРНОБЫЛЬ

Документальная
повесть

КНИГА ВТОРАЯ

В этом коллаже использованы снимки фотокорреспондентов ТАСС Валерия Зуфарова и Игоря Костина, удостоенных высших наград на международных выставках «Уорлд прессфото» и «Интерпрессфото».

¹ А. А. Ситников упоминается в дневнике Ускова.

² Усков в своем дневнике — помните? — говорит и о В. А. Орлове.

выводить. Если бы мы... не предотвратили эту аварию, то Украины бы точно не было, а может быть, и пол-Европы».

28 апреля я была уже в Москве, а на следующий день нашла ту клинику, где муж лежал. Конечно, меня туда не пустили. Я пошла в Минэнерго, в наш главк, и попросила помочь. Мне выписали пропуск.

Я стала работать в больнице. Носила ребятам газеты, выполняла их заказы, что-то им покупала, писала письма. Началась моя жизнь там. Мужу было очень приятно, он сам говорил: «Ты обойди всех ребят, надо их подбодрить». А ребята смеялись: «Вы у нас как мать... Вы нам Припятть напоминаете...» Как они ждали, что в Припятть вернутся, как ждали...

Я переодевалась в стерильную больничную одежду и ходила по всей клинике, поэтому меня принимали за медперсонал. Заходишь в палату, а там говорят: «Подними его, помоги, дай ему попить». Они такие были беспомощные... Как они умирали...

От мужа скрывала, кто умер. Он говорит: «Что-то не слышно соседа слева». Я говорю: «Да его в блок перевели...» Но он все понимал, все знал. И его переводили с места на место. То на один этаж, то на другой.

Первого мая прилетела сестра мужа, ее вызвали, она дала ему свой костный мозг. У меня такое впечатление, что пересадка костного мозга ускорила... Его организм не признавал никаких вмешательств... Последний вечер я осталась с ним. Это было двадцать третьего мая. Он мучился ужасно, у него был отек легких. Спрашивает: «Который час?» — «Половина одиннадцатого». — «А ты почему не уходишь?» Я говорю: «Да спешить некуда, видишь, как светло на улице». Он говорит: «Ты же понимаешь, что теперь твоя жизнь ценнее, чем моя. Ты должна отдохнуть и завтра идти к ребятам. Они ждут тебя». — «Толя, я же у тебя железная, меня и на тебя, и на ребят хватит, понимаешь?» Он нажимает кнопку и вызывает медсестру. Она ничего не понимает. «Объясните моей жене», — говорит он, — что ей завтра надо идти к ребятам, пусть уходит. Ей надо отдохнуть. Я до половины первого посидела, он уснул, и я ушла.

А утром прибежала, говорю: «Толя, тебя трясет всего», а он: «Ничего. Иди к ребятам, газеты отнеси». Я только газеты разнесла, а его в реанимацию увезли...

Как-то, еще в начале мая, когда сестра его еще лежала в больнице, она мне сказала: «Толя очень переживает, что волосы у него стали выпадать. Лезут прямо клочками». Я пошла к нему и говорю: «Ну и чего ты переживаешь из-за своих волос? Зачем они тебе? Давай разберемся четко: в кино ты не ходишь, в театр не ходишь. Сидеть в кабинете или дома работать ты можешь и в берете». Он смотрит на меня: «Это ты правду говоришь?» — «Конечно, правду, сущую правду. Во-первых, посмотришь со стороны: идет лысый человек. Вызывает невольное уважение. Видно, что умный. А во-вторых, я двадцать лет переживала, что ты меня вдруг бросишь, такой красавец, а тут кому ты, кроме меня, нужен будешь?» Он так смеялся, все спрашивал: «Нет, правда? А как же дети?» Я говорю: «Глупый ты какой. Ведь они тебя так любят, зачем им волосы твои». Я старалась отвлечь его от мыслей об аварии: «Толя, вернемся только в Припятть, заживем... Я тебе такие туфли на микропоре купила...» А он: «Да, поедem только в Припятть...»

Я мужу обо всех ребятах рассказывала. Об Аркадии Ускове, о Чугунове, о других. Я как связная между ними была. Там рядом лежал парень, Саша Кудрявцев. Он уже на поправку шел. У него ожоги сильные были. Я зашла, а его спиртом протирают. Он стесняется: «Не заходи». Я говорю: «Сашенька, ты стесняешься меня? Это же хорошо, значит, ты жить начал. Я завтра к тебе приду, а сегодня газетки положу». Завтра прихожу, а мне говорят: «Нет Саша. Умер...»

Я еле в те дни ходила. Ни спать не могла, ни есть.

А в то утро, когда мужа в реанимацию увезли, я ненадолго отлучилась из больницы, а пришла снова — сиделка в приемыне покое говорит, что мой муж умер...

Анатолий Андреевич умер в десять тридцать пять утра... Я к врачу бросилась: «Василий Данилович, он умер? Мне к нему надо!» — «Нельза». — «Как нельза? Он же мой муж!» Махнул рукой: «Пойдемте». Пошли. Я простыню откинула, трогаю его руки, ноги, говорю: «Толя, ты же не имеешь права, ты же не можешь! Ты же не должен! Ты же... Столько энергетика твоя эта дурацкая теряет...» Я уже не ощущала, что мужа теряю, а вот то, что такой

человек уходит... это... это меня бесило. Сколько он бы мог сделать...

На поминках Кедров встал и говорит: «Ребята вас просят, чтобы вы вернулись в больницу. Они сразу почувствовали: что-то случилось, раз вас нет». — «Хорошо», — говорю, — только три дня мне дайте, пока...» И я отвернулась.

После смерти мужа я проработала в больнице больше месяца — до седьмого июля. Заходила к Дятлову, тому, которого винили в аварии... Он был в очень тяжелом состоянии. Я с ним много разговаривала... Потом, когда меня спрашивали про Дятлова, я отвечала, что, если бы все повторилось сначала, я бы все равно пошла к нему. Потому что 20 лет, которые нас связывают, — разве это так просто выбросишь? А что он что-то не так сделал — за это понесет наказание. Не в моей компетенции судить его. Врачи же всех лечат...

Очень горько было ходить на Митинское кладбище... Там сначала даже цветы с могил убирали. Поставишь — а через два дня цветов нет. Пошли такие разговоры, что у чернобыльцев даже цветы «грязные» на могилах становятся. Приказ будто бы был такой — убирать цветы. Тогда я пошла к Владимиру Губареву, тому, что «Саркофаг» написал. Рассказала ему об этом. После этого перестали цветы убирать...

Не брошу свою «железку»

Миновал милицейскую заставу, мы попали в пустую Припятть. Стоят в безмолвии 16-ти и 9-этажные дома, а строительные краны застыли над новостройками — кажется, что работы прерваны на обеденный перерыв. Колхозный рынок при въезде в город превращен в кладбище легковых автомобилей, на котором ржавеют сотни машин — им уже не суждено выйти отсюда. Не видно кошек, собак, даже птиц — и вовсе не иронически звучит парафраз из Гоголя: «Редкая ворона долетит до центра города из соседних полей». Лишь время от времени по центральной площади, где по-прежнему красуется лозунг: «Хай буде атом робітником, а не солдатом!», — промчится бронетранспортер или милицейская патрульная машина.

Я приехал в Припятть с Александром Юрьевичем Эсауловым, зампредом Припятского горисполкома, и главным архитектором Припятти Марией Владимировной Проценко. Ей, вложившей столько сил и таланта в урбанизацию родного города, пришлось потом собственноручно вычерчивать схему ограждения Припятти рядами колючей проволоки. Эсаулов и Проценко пошли в здание исполкома — забирать какие-то свои бумаги, я же сел в машину, включил дозиметр, который сразу же засвистел, запел неумолчную песню радиации, — и на фоне этого «щелбета» стал записывать на магнитофон свои впечатления. Было это в первую годовщину аварии.

На клумбе выросли сиротливые желтые гнацинты — Мария Владимировна сорвала их на память об этом дне. В сопровождении милиционеров в серых бушлатах мы вошли в дом по улице Героев Сталинграда, 13, в котором до аварии жила Проценко с мужем и двумя детьми.

В выхоленном за зиму доме стоял мертвящий запах запустения. Отопление отключали, потом включали, и в части квартир батареи лопнули. Вода залила перекрытия, а это значит, что через несколько зим и весен дом будет разорван. На площадке пятого этажа увидели цветной телевизор, кем-то выставленный из квартиры. Двери всех квартир на этажах, за исключением первого, были распахнуты, на некоторых — следы взлома. Распахнуты и дверцы престижных, до абсурда одинаковых во всех квартирах югославских и гдзээрских «стенок»...

Бывшие жители Припятти рассказывали мне, что, приезжая за вещами, многие недосчитались фотоаппаратов, магнитофонов, радиоаппаратуры. Мародерство, кража радиоактивных вещей, грабеж беззащитного города и окружающих сел — что может быть омерзительнее?

С тяжелым чувством мы вышли на улицу. Если сам город национален выставленного на всеобщее обозрение покойника, умиротворенного в своем вечном сне, то посещение дома оставило после себя тошнотворное впечатление вскрытия трупа со всеми натуралистическими подробностями, известными врачам и служителям морга...

Из письма Павла Мочалова, г. Горький:

«Я студент 5-го курса Горьковского политехнического института, физико-технического факультета, специаль-

ность — «АЭСУ». С 22 июля по 3 сентября я и еще 13 человек, таких же студентов ГПИ, работали в Зоне. Это был отряд добровольцев с необычной производственной практикой. Работали дозиметристами в Чернобыле, на АЭС, но главным образом в Припяти.

Единственным местом в 50-тысячном городе, где спустя 2 месяца после аварии неровно, но постоянно бился тихий гулак некогда кипящей жизни, был городской отдел УВД. Сюда стягивались тысячи нитей — сигнализаторов системы «Скала», а камера предварительного заключения (КПЗ) была самое чистое в радиационном отношении место. Во время нашей работы 2-й и 3-й этажи здания напоминали кадры из фильма об отступлении. Раскрыты все кабинеты, поломаны стулья, везде разбросаны противогазы, респираторы, индивидуальные аптечки, форма с лейтенантскими погонами, литература по криминалистике, картотека с личными делами разных нарушителей, чистые бланки с грифом «совершенно секретно» и много других вещей... Очень четкая, предметная фотография тех трагических событий, немое свидетельство чего-то ужасного, нереального.

Спустя 2 месяца после аварии (а не через 3 дня, как обещали при эвакуации) жителям было разрешено приехать очень ненадолго, чтобы забрать кое-что из личного имущества.

В спецодежде не по размеру, с неумело завязанными респираторами, они подходили к своим родным домам. Редко кто из них не плакал. Надо было видеть, как из-за дрожжи в руках они не могли открыть квартиру, как потом хватали первое, что попадалось под руку, со словами: «Померь это». Надо было видеть глаза невесты, когда ее свадебное платье оказалось «грязным». Надо было видеть состояние молодых супругов, когда в их комнате, в общежитии по улице Курчатова, оказалось разбитым окно, и увозить было нечего...

Нередко фон в квартире намного превышал жесткий норматив на вывоз. Приходилось измерять фон где-нибудь в ванной, туалете. Очень немногие вещи укладывались в норматив. Встречались такие люди, кто, выслушав увещания о вероятности связи радиации и раковых заболеваний («Подумайте о своих детях!»), и все предостережения насчет «грязи» в коврах, насчет повторного контроля на выезде из Зоны (кажется, в Диброве), — выслушав и со всем согласившись, умудрялись каким-то образом вывезти все. О дальнейшей судьбе этих вещей остается только гадать. Были разговоры о сдаче их в комиссионный магазин. Если это так, то это очень страшный факт. К сожалению, дозконтролем на выезде наш отряд не занимался, хотя несколько раз проездом мы бывали там. Можно только сказать, что там были условия для более точных замеров (фон был меньше во много раз), что дозконтроль также проходил очень нервно, ибо на глазах людей забирали их вещи, бросали в железные контейнеры. Иногда с элементами вынужденного вандализма (били дорогую радиоаппаратуру, чтобы не было соблазна на «грязную» вещь).

Попадались и такие жители Припяти, которые, узнав о «загрязненности» своих вещей, брали топор и крушили, «чтобы вам не досталось!». Были и такие, которые совали деньги, водку и думали, что от этого их кофры станут «чище». Но все это единицы, исключения».

В прессе много писалось о героическом труде военнослужащих, дозиметристов, строителей саркофага. Но нигде не встречал я рассказа о работе «низовых» представителей Советской власти — сотрудников Припятского горисполкома, о его председателе А. Веселовском, об А. Эсаулове, М. Боярчук, А. Пухляке, М. Проценко и других, которые беспрерывно в течение полутора лет после аварии ездили по служебным делам в свой родной город. Они жили и работали в сквернейших бытовых условиях, зачастую с пренебрежением относились к правилам безопасности и дозиметрическому контролю (так, А. Эсаулов до сентября 1986 года вообще не имел дозиметра), но, невзирая ни на что, делали свое малоприятное, но очень нужное дело.

Обыденность? Бюрократия? Рутинная? Железная инерция Административной Системы? И то, и другое, и третье. Но все-таки какая же обыденность может быть в экстремальных, почти фантастических условиях, в которых не довелось действовать ни одному исполкомцу, ни одной мэрии в мире? Ведь речь шла о городе, навсегда стертом со всех географических карт, умершем как социальная единица.

Что же касается бюрократии, то она, конечно, была, родимая наша, привычная. Куда же ей деться? Только в Зоне она становилась еще абсурднее.

С человеком, рассказ которого я приведу, я познакомился осенью 1986 года в Ирпене, на первом этаже местного исполкома, давшего приют Припятскому горисполкомцу. В то время здесь стояли толпы людей, требовавших получения компенсации, решения своих неотложных вопросов. В вестибюле я заметил крепкого мужика лет 45-ти, мявшего со злостью в руках зимнюю шапку. Мужик тихо матерился. Познакомились.

Александр Иванович Хорошун, бывший житель г. Припяти, ныне проживающий в г. Мегион Тюменской области:

«Я раньше работал на строительстве ЧАЭС, потом там дела пошли плохо, заработки упали — и я уехал в Сибирь на шашку. А жена осталась в Припяти, работала на ЧАЭС. У нас была машина «Запорожец». После эвакуации жена с детьми ехала ко мне через Москву. Ее в Москве «отловили» дозиметристы, положили в больницу. Ключи от гаража и «Запорожца» изъяты. Известное дело — женщина, растерялась, ключи отдала.

Когда я узнал, что можно посетить квартиры и получить деньги за машины, приехал сюда. Капитан Ключко сказал мне, чтобы я снял номера от машины и привез их ему. Еду в Припять. Ключей от гаража нет, гараж закрыт. Ладно. Я прокопал траншею под гараж, снял номера, привез их Ключко. Он требует ключи от гаража и машины. Но ключей нет! Здесь и началось. Он вернул мне номера и потребовал, чтобы я пригнал машину, на что я ответил, что машина не на ходу, аварийная. Ее сын за год до аварии где-то стукнул. Меня направляют к товарищу Польскому — флегматичному молодому человеку, который с недовольным видом взирал на меня. Объясняет, что нужно ждать товарища Печерского, представителя Припятского горисполкома. Печерский потребовал вскрыть гараж. Я снова прорыл траншею, влез в гараж, открыл внутренний запор ножовкой, взятой в гараже, спилил дверные проушины — гараж вскрыт! Номера деталей, узлов машины совпадают! Хотя, между прочим, в гараже довольно высокий уровень, и у меня башка трещит, словно принял 600 граммов. От радиации. Но я тихо радуюсь. Все, кажется, отлично. Но! Теперь надо, чтобы приехала сюда комиссия и оценила машину. Но зачем тогда Польский и Печерский? Кто они? Зачем они? Я их об этом спросил.

Сколько я могу торчать в Диброве? Что мне делать? Я за этого «Запора» отвалил 5100 рублей, я его покупал за «голую» зарплату. Нет у меня и не было нетрудовых доходов. 47 тысяч километров — это не пробег. Да, ремонт нужен, но есть комплект резины, запчасти, лаки-краски, гаражное оборудование. И у меня больно на душе, что я бросаю свою «железку» — попробуй снова ее наживи! Но я понял, что на комиссии я споткнулся — их не заманишь и калачом в гараж. Справку двухгодичной давности о том, что я никого не убил на своей машине, я в Припятской ГАИ не найду, потому что самой Припятской ГАИ уже нет, я еле нашел ее остатки в Зорине. Даже постовые не знали, где ГАИ. Но я все-таки нашел. Начальник был болен, температурил. Принял меня начальник угрозыска. Послушал и сказал, что по идее Польский-Печерский должны были отметить в техталоне НАЛИЧИЕ машины, не входя в радиоактивный гараж, осветив только фонариком.

А в отношении справки, что я никого не задавил (машина-то битая), — это забота угрозыска. Он меня заверил, что я (то есть сын) был бы найден максимум через полгода после совершения ДТП. Я все это доложил Польскому-Печерскому, согласился на 50 процентов износа, в конце согласился даже на 60—70 процентов износа, только чтобы эти мытарства закончить. Поделился своей обидой с секретарем Припятского горисполкома Марией Григорьевной Боярчук. Она меня выслушала, посоветовала все описать и подарить надежду. Спасибо ей! Спасибо капитану милиции Филипповичу — без проволочки дал мне пропуск в Зону, спасибо старшему на КПП Припять капитану милиции, дежурившему 22 ноября 1986 года, — он без проволочек допустил меня в гараж. С тем и уезжаю».

Весной 1987 года я получил от А. Хорошуна письмо из Сибири, в котором он рассказывал дальнейшие подробности своей «запорожской одиссеи»:

«Предгорисполкома Припяти Веселовский выслал мне назад техпаспорт и мое заявление и написал, что машину нужно сдавать лично самому владельцу с четвертого апреля. Неужели мне снова надо ехать в Припять? Снова обивать пороги инстанций? Небось придется доставать подъемный

аром, платформу и везти мою машину на сдачу. Где я достану эту технику? Да ведь очень просто вычесть из стоимости машины стоимость побитого кузова, стоимость затрат за использование техники, износ. Остальное выплатить владельцу. Ведь это жуткое дело — вылететь в апреле в Европу. Только в Мегроне желающих вылететь 1708 человек, не считая Нижневартовска, да и в Усть-Каменогорске столько же. Боже, как я не люблю Европу! Я с первого кола строил АЭС в Припять, а мне такое наказание. Хотя бы тыщонки волторы компенсировать из 5100 рублей».

О «соловьях Чернобыля»

В первой части повести, стараясь сохранять максимальную объективность, я писал, что «не медики командуют каналами массовой информации. И самые важные решения принимают также не медики». Это так. Но, будучи допущенными к каналам массовой информации, иные из моих коллег столько всего нагородили, что просто диву даешься. Народ окрестил медицинских златоустов, заполнивших эфир и печатные страницы своим бодрым щебетом, «соловьями Чернобыля». И это о тех, кто должен быть заступником людским, целителем ран не только физических, но и душевных. Ведь здравоохранение наше, вышедшее из медицины эсмской, получило в наследство высокие и благородные отечественные традиции милосердия и правдолюбия, ответственности перед народом за слова свои и деяния. Видать, растеряла наша официальная медицина все это дореволюционное богатство на казенных путях услужения сильным мира сего, в спецстоловых и прочих местах соприкосновения с кастой «избранных».

Говоря все это, я нисколько не преуменьшаю заслуг тысяч рядовых врачей и медсестер, лаборантов и санитарок, честно выполнявших свой профессиональный и гражданский долг в трудные дни Чернобыля. Но на этот раз речь не о них.

С первых дней аварии телевизионной «звездой» № 1 стал заместитель министра здравоохранения УССР, главный государственный санитарный врач Украины А. М. Касьяненко. Не будучи специалистом по радиационной медицине (помнится, что кандидатскую диссертацию он написал в Днепрпетровске на темы некоей болезни, передающейся от коровы к человеку), он уверял своих слушателей, что все прекрасно в этом чернобыльском мире, и чем более пылко уверял, тем меньше верили ему люди. Вот далеко не полные (по газетному изложению) образчики этой «пропаганды»:

«На территории нашей республики в большинстве областей все возвратилось к норме, которая была до аварии... В городе Киеве нет предпосылок для того, чтобы предпринимать какие-либо особые меры... Вызывает удивление стремление некоторых женщин прервать свою беременность. Не имеет под собой реальной почвы и желание некоторых из них выехать на период беременности и родов за пределы Киева и даже нашей республики... Не следует отказываться, как это делают некоторые, от употребления в пищу куриных яиц... Рыбу... в Киевском море, Днепре и Десне... можно спокойно ловить, жарить, варить, употреблять в любом виде...»

А как быть с купанием? Об этом уже писали газеты. Если стоит хорошая погода, если светит солнце, если хорошее настроение (!), то можно идти купаться. Это относится к Киеву, области, за исключением тех районов, где введены ограничения... Ныне здоровью детей ничто не угрожает... Нет оснований отказываться от употребления малины, клубники, черники... Другое дело — смородина и крыжовник. Не рекомендуется их употреблять в свежем виде в Черниговской, Киевской и Житомирской областях... Требование уборки помещений с пылесосом всегда остается в силе...»

(Из беседы по республиканскому телевидению заместителя министра здравоохранения УССР А. М. Касьяненко и других специалистов-медиков, «Вечерний Киев», 1 июля 1986 г.)

А вот что говорил А. М. Касьяненко в другом выступлении по республиканскому телевидению («Вечерний Киев», 26 сентября 1986 г.):

«На всей территории республики радиационная обстановка, по сути (!), возвратилась к тому состоянию, которое было до аварии на Чернобыльской АЭС. Гамма-фон практически нормализовался... Специальные исследования рыбы были проведены в Киевском и Каневском водохранилищах, в Десне и Конче. ПОВОДА для опасений они не дали. Такое

же положение и с грибами. Нужно лишь быть предельно внимательным и осторожным при их сборе, брать только съедобные грибы. И при этом помнить: грибы быстро портятся, образуя ядовитые вещества...»

Вспоминаю, как этим выступлением заместителя министра были возмущены рядовые врачи Полесского района, ибо прахом пошла вся их разъяснительная профилактическая работа; часть населения района, особенно дети, ринулась в леса по грибы, хотя леса эти, лежащие в полосе выброса, еще «светили»...

Стоит ли удивляться, что в ответ на такие «откровения» посыпались возмущенные письма. Приведу одно из них:

«На кого рассчитана такая информация? Выступая уже дважды, Касьяненко не приводит ни единой цифры, ни одного результата анализов или замеров. Он даже не упоминает об огромной беде, которая затронула такие территории, загрязнила и оставила следы. Из его слов следует, что можно и реакторы взрывать и, видимо, атомные бомбы бросать, — все будет в порядке. Причем основные доводы у него, «я вам говорю, что все в порядке». И все это преподносится на фоне выступлений «Правды», «Известий», «Литературной газеты», «Литературной Украины» и многих других источников, где выступают честные ученые и видные деятели, которые называют вещи своими именами, как того требует XXVII съезд партии и сегодняшняя обстановка... Киев, 1 октября 1986 г., ул. Энтузиастов, 29/2, кв. 25, Проклов и еще десять подписей».

Но вершиной творчества киевских «анестезиологов», пытавшихся любой ценой успокоить общественное мнение, стала брошюра В. П. Антонова, начальника управления Минздрава УССР: «Радиационная обстановка и ее социально-психологические аспекты», изданная в прошлом году в Киеве обществом «Знание» тиражом в 92 175 экземпляров. Приведу некоторые откровения автора, представленного «врачом-радиологом»:

«Поскольку в г. Киеве было МЕНЬШЕ ВСЕГО ОСНОВАННОГО ДЛЯ ТРЕВОГ И БЕСПОКОЙСТВА (здесь и далее выделено мною. — Ю. Ш.) и вместе с тем именно среди его населения циркулировало наибольшее количество тревожных слухов, необоснованных рекомендаций и домыслов, есть необходимость кратко остановиться на радиационной обстановке на его территории. Тем более что численность его населения составляет значительную часть всего населения ВОВЛЕЧЕННОГО В СФЕРУ ЧЕРНОБЫЛЬСКИХ ТРЕВОГ».

Между прочим, это закономерное явление, которое можно назвать «психологическим феноменом большого города». ЕГО ПРИЧИНА В ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ ПРОСЛОЙКЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ — ОСНОВНОМ НОСИТЕЛЕ И ИСТОЧНИКЕ «ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОТВРАЩЕНИЯ» К РАДИАЦИИ, воспитанного долголетней антивоенной, в частности антиядерной, пропагандой. Никто так глубоко не впитал неприязнь к этому новому поражающему фактору, свойственному только ядерному оружию, КОТОРЫЙ ЭМОЦИОНАЛЬНО МНОГИХ ЖУРНАЛИСТОВ ОКРАШИВАЕТСЯ В БОЛЕЕ (!!!) МРАЧНЫЕ КРАСКИ, НЕЖЕЛИ БОЛЕЕ ПРИВЫЧНЫЕ ФАКТОРЫ (!), с которыми связаны давно знакомые виды поражений (ранения и ожоги).

Об этом свидетельствуют хорошо известные киевлянам факты невозвращения части школьников к началу учебного года, трудные семейные дилеммы по поводу возвращения детей младших классов, изобретательность в поисках «чистых кормов» за пределами даже республики. О глубине фобических (фобия — боязнь. — Ю. Ш.) реакций свидетельствует также анализ рекламных объявлений граждан по обмену квартир, подтверждающий «падение акций» такого прекрасного города, как Киев, в системе междугородного обмена. Число граждан, желающих въехать в Киев, в 1986 году по сравнению с 1985 годом сократилось на треть, а желающих выехать из Киева — увеличилось в 3 раза.

Итак, главная причина всех неприятностей — интеллигенция! Вот бы нашим минздравским «анестезиологам» да неграмотный народ! Вмиг бы его успокоили.

Касаясь будущего, автор заявляет: «Еще раз хотим твердо подчеркнуть, что у подавляющего большинства населения ожидать каких-либо осложнений в состоянии здоровья или заболеваний, непосредственно связанных с воздействием радиации, нет никаких реальных оснований. Но, несомненно, главными проблемами являются психологические, последствия которых могут оказаться неизмеримо более неблагоприятными. Имеются основания ожидать опосредованные последствия в виде различных отклонений в показателях

здоровья и даже некоторых заболеваний у той части населения, которая оказалась во власти необоснованных страхов и тревог, во власти радиофобии... Для изучения этих вопросов в результате аварии на ЧАЭС СОЗДАЛИСЬ УНИКАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ. Это, между прочим, и является одним из важных направлений деятельности созданного в Киеве Всесоюзного научного центра радиационной медицины АМН СССР. Мы подчеркиваем это, так как в связи с его созданием циркулировало немало кривотолков и слухов, способствующих психологической напряженности: «Раз создан такой центр, значит, плохи наши дела».

Расправившись с интеллигенцией, антивоенной пропагандой и бесосновательными страхами, В. Антонов обращает свой взор к доктору Гейлу:

«Остается прокомментировать напугавшее некоторых граждан заявление Гейла в известном телемоете. Во-первых, доктор Гейл гематолог, но никак не специалист в области радиационной безопасности, тем более эксперт, как он был представлен с телеэкрана.

Во-вторых, многие слышали и запомнили количество названных раковых заболеваний, но пропустили мимо ушей — на какую численность населения (?) или на какое количество естественных случаев рака... Во всяком случае, будучи врачом, Гейл ОБЯЗАН БЫЛ с учетом силы психологического воздействия таких заявлений более четко изложить это, подчеркнув необходимость их относительной оценки, но не сделал этого. ТО ЛИ В СИЛУ СВОЕЙ НЕКОМПЕТЕНТНОСТИ В ЭТИХ ВОПРОСАХ, то ли других причин, которые нам неизвестны».

В апреле 1987 года на пресс-конференции в Минздраве УССР я задал вопрос об отношении киевских медиков к прогнозам доктора Гейла.

Вот что мне ответил заведующий отделом Всесоюзного научного центра радиационной медицины АМН проф. И. А. Лихтарев:

«Декларация каких бы то ни было цифр через эфир о будто бы возрастании в будущем раковых заболеваний без их сопоставления со спонтанным уровнем увеличения болезней от воздействия химических загрязнений, нездорового образа жизни, ухудшения экологической обстановки в промышленных городах — ничего, кроме вреда, принести не может... Вот уже третье поколение японцев там выросло (после атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. — Ю. Ш.), а генетических изменений там нет. Ученые много спорят, изучают этот феномен. Однако факт остается фактом. И обо всем этом хорошо известно доктору Гейлу. РЕШИВШЕМОУ НА НАШЕМ ГОРЕ СДЕЛАТЬ СВОЕЙ ПЕРСОНЕ НЕПЛОХУЮ РЕКЛАМУ» («Вечерний Киев», 21 апреля 1987 г.).

Итак, мало того, что доктор Гейл некомпетентен, как уверяет нас В. Антонов, медицинский чиновник, не имеющий отношения ни к больным, ни к лаборатории. Оказывается, д-р Гейл еще и делает на нашем горе себе рекламу! Кто же поучает врача Гейла? Профессор Лихтарев, не медик, а физик по профессии (!), не имеющий вообще морального права оценивать врачебные качества д-ра Гейла...

Послушайте, мы когда-нибудь станем нормальными, воспитанными людьми, умеющими вести корректную научную дискуссию, а не лакейски-кухонную свару с приклеиванием ярлыков в стиле сталинских времен? Почему же нравственное чувство людей без медицинских дипломов безошибочно подсказало им, что так нельзя, так неприлично? Вот что написала мне читательница из Киева:

«Я возмущена отношением к профессору Р. Гейлу наших украинских медиков. Ведь это не секрет, что доктор Гейл оказал очень большую помощь нашей стране после чернобыльской аварии. Зачем же поносить его, да еще с такой высокой трибуны? Ведь эту пресс-конференцию слушала вся Украина.

Экономист О. В. Глазова, Киев, Владимирская, 18/2, кв. 46».

Итак, восстановим истину.

Из сообщения ТАСС: «Копенгаген, 31 августа 1986 г. (ТАСС). В здании датского фолькетинга проходит симпозиум по проблеме оказания гуманитарной помощи населению в катастрофических ситуациях. Участники обсуждают вопрос «О праве людей на гуманитарную помощь в свете катастрофы в Чернобыле». Американский врач Р. Гейл весьма высоко отозвался о докладе, представленном советской стороной в МАГАТЭ... Он заявил, что Советский Союз дал неожиданно довольно мрачную оценку последствий аварии в Чернобыле. «Русские считают, что около 150 тысяч человек во всем

мире заболеют раком вследствие чернобыльских событий, из них половина умрет. Эта цифра весьма завышена. Я считаю, что она должна быть в десять раз меньше», — указал Р. Гейл. Он заявил, что эта цифра не столь велика, если сравнить ее с числом заболеваний раком в течение 70 лет из-за курения и использования угля в качестве топлива. Общее число заболеваний раком вследствие аварии на советской АЭС возрастет лишь на один процент, сказал Гейл».

А 1 апреля 1988 года в газете «Правда» появилась статья доктора Гейла «Точка жизни во Вселенной»:

«Сейчас многих интересуют возможные долговременные последствия аварии. Превалировало научное мнение, что поскольку их размеры не определены, то результатом публичной дискуссии может стать неоправданное беспокойство, и она может нанести вред. Хотя эта точка зрения и оправдана, такую политику надо сбалансировать равнозначно важным и убедительным обсуждением: право общества на полную информацию. Более того, информационный вакуум часто ведет к нереалистичной обеспокоенности, спекуляциям и обвинениям в утаивании».

Эту простую истину, кажется, полностью игнорируют сановные республиканские медики, забывшие, что они несут ответственность перед своим народом, а не только перед своим начальством.

Но, пожалуй, дальше всех продвинулся профессор О. А. Пятак, заместитель директора новообразованного Всесоюзного центра радиационной медицины АМН СССР в Киеве. В статье под идеалистическим названием «Мирный атом: сосуществование необходимо» («Вечерний Киев», 1 февраля 1988 г.) он заявляет:

«Врачи с полной ответственностью утверждают: при нормальном функционировании атомные станции не представляют опасности как для окружающей среды, так и для персонала, который там работает. Ну, а обеспечение нормальной работы станции — это уже другой вопрос, к которому надо подойти со всей ответственностью. Думаю, что авария в Чернобыле многим нас научила. В ТО ЖЕ ВРЕМЯ ПРИЗНАЕМСЯ: РАЗВЕ НЕ СВЯЗНА С ОПРЕДЕЛЕННЫМ РИСКОМ РАБОТА ВОДИТЕЛЯ ИЛИ ШАХТЕРА, ЛЕТЧИКА ИЛИ ВРАЧА-РЕНТГЕНОЛОГА?»

...Теперь стало ясно, что меры, предпринятые после аварии, ОКАЗАЛИСЬ НАСТОЛЬКО ЭФФЕКТИВНЫМИ (я имею в виду и эвакуацию, и особенности хозяйственной деятельности в затронутых выбросом районах, и контроль за продуктами, и обвалование водосток, и так далее), что СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ ЛЮДЕЙ ПРАКТИЧЕСКИ ОСТАЛОСЬ ТАКИМ ЖЕ, КАК И ДО НЕЕ...»

С такой же легкостью невероятной О. Пятак клянется в полном отсутствии какого-либо вредного воздействия радиации на здоровье людей, хотя прекрасно знает, что последствия сказываются много позже — через 5, 10, 20 лет. Впрочем, знает ли? Я не поленился, сходил в Республиканскую медицинскую библиотеку, просмотрел список трудов О. Пятака: ни одной статьи по вопросам радиационной медицины. Заурядные терапевтические работы. Вот как «взаимодействуют» некоторые медики Киева с «мирным» атомом.

Поймите меня правильно. Я врач и знаю, что такое деонтология (наука о должном поведении врача). Я не призываю к раздуванию панических настроений, к запугиванию людей возможными последствиями. Дай бог, чтобы их вообще не было. Но я против того, чтобы делать из людей дураков. Есть серьезная общедоступная литература о последствиях облучения. Прочитайте лишь книгу «Химия окружающей среды», изданную в 1982 году в Москве:

«...Многие заболевания, которые никогда ранее не связывались с уровнем радиации, например, инфекционные заболевания (грипп и пневмония), а также хронические заболевания (эмфизема, болезни сердца, диабет, заболевания почек и паралич) в действительности существенно зависят даже от малых доз облучения».

Итак, люди информированы. Люди встревожены вполне обоснованно. Так разговаривайте с ними на уровне, достоинстве нашего сверхсложного века НТР, на уровне гласности. Не запугивайте их, но и не распевайте соловьиные песни. Думайте о будущем. Думайте о чистоте вашего медицинского халата — нравственной чистоте. Не подпевайте тем, кто побыстрее хотел бы забыть о Чернобыле. Есть такие люди. Есть и такие, кто с очень короткой, мизерной дистанции двух лет, когда еще все свежо в памяти, пытается представить события, разыгравшиеся в первые дни после аварии, на уровне плаката по гражданской обороне, на котором нарисовано все как надо, ну, просто идеально:

«В реальной ситуации, возникшей после чернобыльской аварии, распространение радиоактивности имело чрезвычайный сложный характер, что затрудняло составление прогноза. А чтобы эвакуировать население, надо точно знать радиационную обстановку, дать рекомендации, куда именно вывести людей, чтобы вновь не попасть в опасные районы. 26 апреля такой ясности еще не было. Более того, в этот день радиационная обстановка в самом городе Припяти была относительно благополучной — об этом часто забывают, а то и искажают факты. СРАЗУ ПОСЛЕ АВАРИИ (!) БЫЛО РЕКОМЕНДОВАНО ЖИТЕЛЯМ СОКРАТИТЬ ПРЕБЫВАНИЕ ВНЕ ПОМЕЩЕНИЙ, НЕ ОТКРЫВАТЬ ОКНА, А ЗАНЯТИЯ НА ОТКРЫТОМ ВОЗДУХЕ ВО ВСЕХ ДЕТСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ БЫЛИ ЗАПРЕЩЕНЫ. МЕДИЦИНСКИЕ БРИГАДЫ ПРОВЕЛИ ЙОДНУЮ ПРОФИЛАКТИКУ ДЕТЕЙ. Таким образом, те, кто находился в помещениях, подверглись значительно меньшему воздействию гамма-излучения.

В ночь на 27 апреля радиационная обстановка начала резко ухудшаться, поэтому в 12 часов дня и было принято решение об эвакуации. Замечу кстати, что критерий «б», КОГДА ЭВАКУАЦИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНА, ТАК И НЕ БЫЛ ДОСТИГНУТ (!) — это показали наши исследования» («Диагноз после Чернобыля». На вопросы корреспондентов отвечает академик АМН СССР Л. А. Ильин. «Вечерний Киев», 6 февраля 1988 года).

О том, как было сразу после аварии «предупреждено» население Припяти, рассказывалось и на страницах этой повести, и в других публикациях. О «качестве» йодной профилактики детей можно будет судить по состоянию их щитовидной железы — если, конечно, данные эти будут обнаружены. Ну, а то, что эвакуация вовсе не была обязательна, — одно из самых замечательных открытий после Чернобыля. В дополнение к нему мне остается лишь привести фрагмент из судебного приговора:

«Узнав о том, что уровень радиации в некоторых местах значительно превышает допустимый, Брюханов из личной заинтересованности — с ЦЕЛЬЮ СОЗДАНИЯ ВИДИМОСТИ БЛАГОПОЛУЧИЯ В СЛОЖИВШЕЙСЯ ОБСТАНОВКЕ — умышленно скрыл этот факт. Злоупотребляя своим служебным положением, представил в вышестоящие компетентные организации данные с заведомо заниженными уровнями радиации. Необеспечение широкой правдивой информацией о характере аварии привело к поражению персонала станции, НАСЕЛЕНИЯ ПРИЛЕГАЮЩЕЙ К НЕЙ МЕСТНОСТИ» («Московские новости», 9 августа 1987 г.).

Если прав академик Л. А. Ильин, то, стало быть, надо немедленно освободить Брюханова как невинно пострадавшего.

...На тихой (а ныне мертвой) улице Богдана Хмельницкого, что в городе Чернобыле, выросло светло-желтое сборное здание из алюминия, в котором сейчас располагается Правительственная комиссия по ликвидации последствий аварии.

Ушли в прошлое сумасшедшая нервотрепка 1986 года, ежесдневные заседания ПК, БТРы, грохочущие по дороге к АЭС, неустрашенность быта. Но работа осталась: разминирование радиоактивной мины замедленного действия, дезактивация огромных площадей Зоны, строений, складов, ряда помещений АЭС. Для проведения этой работы было создано мощное производственное объединение «Комбинат». Кроме разных технических служб, при нем в феврале 1987 года образован отдел информации и международных связей. Этот отдел располагается в одном из отсеков «подводной лодки», как именуют старожилы Чернобыля новое здание ПК, в котором все есть для автономного «плаванья»: гостиница, кухня и столовая, средства связи со всем миром, пост дозиметрического контроля и рабочие помещения.

При входе в отдел висит карта мира — из разных континентов, из многих стран мира указующие линии тянутся сюда, в Чернобыль. Руководит отделом молодой, контактный человек — Александр Павлович Коваленко. Сегодня он достаточно известен за границей и почти не известен у нас в стране. Так уж сложилось, что сегодня на Чернобыльскую АЭС приезжает больше иностранных корреспондентов, нежели советских. Коваленко отвечает на их вопросы и сопровождает их в поездках на АЭС и в город Припять.

Александр Павлович Коваленко:

— Ни для кого не является секретом — это видно из анализа нашей прессы, — что мы публиковали очень много противоречивых сообщений, не совпадающих одно с другим.

Я уже не говорю о начальном периоде аварии... Уже 5 мая газета «Интернешнл геральд трибюн» опубликовала карту распространения радиации с подробными сведениями об уровнях в СССР и Европе, а жители Киева не имели об этом ни малейшего представления. Разве это нормально?

— Вот мы говорим, что во время аварии погибло 30 человек — от острой лучевой болезни, от травм и ожогов. Это понятно. Но ведь были жертвы и при ликвидации аварии...

— Конечно, было всякое... Зачем это скрывать — мне непонятно. Так, 6 октября 1986 года во время проведения работ над саркофагом разбился военный вертолет. Экипаж из четырех человек погиб. Существует много версий, почему это произошло. Но ясно одно: они задели лопастями за тросы крана, и вертолет перевернулся... Эта трагедия случайно снята на киноплёнку. Мы должны знать, какой нелегкой ценой нам досталась победа над «мирным» атомом.

— Вас удовлетворяет то, что сегодня сообщают — весьма редко — украинские газеты, радио, телевидение? Ведь народ все еще волнуется.

— Нет. Информация совершенно недостаточна. Нам вообще нужно смотреть и анализировать, как развиваются слухи. Надо давать населению такую информацию, которая бы мобильно реагировала на появление различных домыслов. Мы в нашем отделе ввели «прямой провод». И мы теперь знаем, какие слухи возникают среди населения. Мы объявили номер нашего телефона в Чернобыле — 5-28-05 — и отвечаем каждому, кто позвонит нам. Кстати, порою случается так, что из-за рубежа идет звонков больше, чем из Киева. Но когда мы пытаемся мобильно реагировать и давать информацию по украинскому радио или телевидению, то она гибнет в недрах этих организаций. Слухи нам удавалось отсекают только при помощи разговора по «прямому проводу». Но это личный разговор, и эффективность его не очень велика. На массовые каналы телевидения выхода нам не давали. Вообще, проблема информации по Чернобылю — не в нежелании ее дать и не в ее «закрытости». Мы готовы ее дать. Это проблема готовности органов массовой информации. Такая информация необходима, она бы «гасила» все волны домыслов, до сих пор валом идущие по Киеву и Украине, доходящие порою и до Москвы.

— Как вы оцениваете роль медиков в эвакуации Припяти?

— Медики и гражданская оборона возражали против эвакуации. Медики думали не о том, ЧТО ДЕЛАТЬ С НАСЕЛЕНИЕМ, а о том, КАК ОНИ БУДУТ ВЫГЛЯДЕТЬ В ДАННЫЙ МОМЕНТ ПЕРЕД СОБСТВЕННЫМ РУКОВОДСТВОМ. Инициатором эвакуации был Борис Евдокимович Щербина. Окончательное решение было бы подписано 27 апреля в 12 часов дня. Оно было бы подписано гораздо раньше, если бы не медики. Они тянули время и подписались последними.

Мне пришлось работать в Западной Сибири, а Б. Е. Щербина был сначала первым секретарем Тюменского обкома КПСС, а затем — министром строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности. В Тюменской области нередко случались ситуации, которые требовали принятия экстренных решений. Например, когда произошла крупная авария на линиях электропередач, питающих Нижневартовск, — разлилась нефть и затем загорелась, и город остался без тока; или когда поселок Мамонтово остался без тепла — слабая подготовка к зиме вызвала аварию. И сама жизнь учила тогда, что лучше в таких ситуациях эвакуировать население на один-два дня, чем рисковать здоровьем и жизнью людей. За Б. Е. Щербиной — большой опыт принятия самостоятельных ответственных решений, а не трусливого ожидания указаний свыше. В Западной Сибири вообще был иной стиль работы, чем на Украине до аварии. Я вам скажу, что, когда попал в Чернобыль, я вдруг почувствовал себя вроде бы ТАМ, на Ямбурге или в Новом Уренгое, где между решением и действием не стоит огромное количество инстанций и длинных согласований.

Знать и помнить

Два ряда могил на центральной аллее Митинского кладбища в Москве. Здесь лежат те, кто работал в ту ночь, 26 апреля, на четвертом блоке, — и герои, и жертвы, и виновники... Каждый из них принял смерть достойно — лицом к опасности. Но нет до сих пор не только мемориала, но даже памятного знака на этой аллее.

Аркадий Усков говорил мне взволнованно: «Что-то делать надо и сказать честно, кто есть кто. Должны знать люди, за что отдали жизнь наши товарищи Ситников, Лопатюк, Кургуз, Кудрявцев, Баранов, Бражник...»

Из письма Е. А. Сидоровой (Харьков), написавшей по поручению шести персональных пенсионеров:

«Просим Вас всем нашим миром, очень просим! В день Чернобыля, горя всенародного и победы над бедой, — бить в набат по радио или телевидению в память и назидание потомкам!»

Юлия Дмитриевна Лукашенко, мать троих детей, преподавала в припятской школе и познала весь ужас аварии и эвакуации; ныне учительница школы № 7 в городе Белая Церковь:

«Нас, припятчан, в Белой Церкви около двух тысяч. Учителей тридцать пять человек. Землячество припятское еще существует, но уже распадается. По каморкам своим люди начинают разбегаться. И вот у нас родилась мысль о встрече всех припятцев. Особенно она укрепилась, когда мы поняли, что уже не попадем в свой город. Мы должны встретиться. Когда? Другой даты быть не могло — только 26 апреля 1987 года. В первую годовщину аварии. Мы хотели встретиться в Киеве, на Крещатике. Но потом прошел слух, что нам запретят эту встречу, будто бы боятся какой-то демонстрации.

За месяц до предполагаемой встречи я написала письмо первому секретарю ЦК Компартии Украины товарищу В. В. Щербицкому. «Уважаемый товарищ Щербицкий! Ходят слухи, что 26 апреля 1987 года встречи припятцев и чернобыльцев не будет, так как якобы кто-то боится демонстрации. Да, это будет демонстрация. Но демонстрация борьбы за мир, демонстрация за ядерное разоружение, это будет демонстрация, когда мы скажем всему советскому народу спасибо за поддержку. Было бы очень хорошо, если бы эту встречу организовали по-настоящему, чтобы мы имели возможность встретиться с работниками ЧАЭС, с героями, писателями, артистами...»

Ответа я не получила. Пришло почтовое уведомление, что письмо вручено... И сразу же в Киеве, на Троещине, где живет много наших, в Белой Церкви, везе по области провели собрания с просьбой не ехать на встречу. У нас собраний проводил человек из Киева, я не помню фамилию, интересный мужчина, он довольно высокий чин имеет там. А потом учителей наших — 35 человек — отдельно собрали, и он говорит: «Если вы поедете, вы поступите очень дурно. Если хотите, я просто запрещаю вам это делать».

Но меня сразу не сломаешь. Я все-таки была настроена ехать. Тогда буквально через день-два ко мне приезжает заведующий Киевским обкомом Выговский. Побеседовал со мной. И спрашивает: «Меня послал министр просвещения узнать — что вы хотите?» Я ему сказала, что я хочу. Он: «Юлия Дмитриевна, мне велено вам передать, что у нас победы над атомной электростанцией еще пока нет. Мы еще не можем успокоиться на том, что сделано, еще не можем радоваться, не можем устраивать вам концерты в первую годовщину».

Я говорю: «А кто просил концерт? Это же кошуństwo — так толковать мое письмо». «Да? А мне так передали...»

Потом меня вызывает товарищ Лендрик, завотделом пропаганды у нас в Белой Церкви. Ведет меня к нашему первому секретарю Юрию Алексеевичу Красношапке. Что я, дескать, хочу? И почему написала? И кто мною, быть может, руководил? Вот какие вопросы мне задавались. Я отвечала: «Я одна писала, выражая мнение людей. Подписалась одна». Он меня долго уговаривал, чтобы я отказалась от этой идеи. И в конце концов... я уступила. Смалодушничала самым настоящим образом. Уговорили меня. Больше того — уговорили, чтобы я создала инициативную группу и сделала все возможное, чтобы никто из Белой Церкви не был на Крещатике. Мне помогала в этом одна подруга. А вторую подругу когда попросила, та сказала: «Вы предатели! Как вы можете? Я поеду!» Я ей говорю: «Ну просили же. Уговорили, что там за граница бомбы готовит. Чтобы бросить в толпу и смятение вызвать. Он сказал, что наша встреча будет использована во враждебных целях».

Я уже знала, что меня на связь с заграничной проверяли — не руководит ли мною кто из-за границы. Я видела, что им самим противно все это делать. Они в глаза не смотрели, когда говорили.

Это еще не все. В воскресенье, 26 апреля, нам устроили

воскресник в школе. Ко мне подходили разные люди — из облоно, школы, смотрели так на меня, словно... Обложили меня со всех концов. Я не выдержала, пошла к первому секретарю и сказала все что думаю. «Я понимаю, — говорю, — я человек чужой, незнакомый. Но я никогда не пойму, за что вы меня оскорбили этим воскресником. За что, какой воскресник?» Оказывается, это по Киевской области устроили воскресник, по линии Министерства просвещения. Чтобы удержать наших детей и родителей от поездки в Киев...»

Теперь расскажу, как была «отмечена» у нас вторая годовщина Чернобыля. 13 апреля председателю Киевского горисполкома тов. В. А. Згурскому было подано заявление:

«Просим Вас разрешить проведение митинга общественности «Памяти Чернобыля» в воскресенье 24 апреля 1988 г. в парке Дружбы народов. Предполагаемая продолжительность митинга — с 13 до 17 часов, количество участников около 1000 человек.

Цели митинга:

1. Почтить память погибших от аварии и поклониться мужеству героев.

2. Рассеять ложные слухи о якобы ухудшившейся радиационной обстановке.

3. Призвать граждан к широкому участию в экологическом движении.

Митинг будет проходить под лозунгами: «Чернобыль — грозное предупреждение!», «Приветствуем ликвидацию ракет!», «К безъядерному миру!», «Новое мышление — надежда всего человечества!», «Поддерживаем курс партии на демократизацию и гласность!», «Больше гласности в экологических вопросах!»

На митинге предполагается выступление героев Чернобыля, ученых, писателей.

Инициативная группа также просит горисполком оказать содействие в проведении митинга:

1. Дать информацию о митинге в городской прессе.

2. Предоставить для озвучивания митинга радиотрансляционную установку.

3. Наладить работу выездного буфета.

4. Выделить наряды милиции для обеспечения общественного порядка.

В целях успешного проведения митинга инициативная группа предполагает все вопросы решать во взаимодействии с советскими и партийными органами».

Это заявление подписали восемь членов инициативной группы: Гудзенко Г. И., геофизик, инженер Института геологических наук АН УССР; Кириенко П. Н., инженер треста «Киевгеология»; Кошманенко В. Д., доктор наук, ведущий научный сотрудник Института математики АН УССР; Ольштынский С. П., кандидат наук, старший научный сотрудник Института геохимии и физики минералов АН УССР; Поташко А. С., старший научный сотрудник временного творческого коллектива «Отклик» при Киевском университете; Сотникова Р. В., инженер треста «Киевгеология»; Федоринчик С. М., аспирант отделения ЦНИИ связи; Яковенко Ю. В., кандидат наук, научный сотрудник Института кибернетики АН УССР.

О том, как развивались события дальше, рассказывают участники инициативной группы.

Галина Ивановна Гудзенко:

«Приближалась вторая годовщина чернобыльской трагедии, вошедшей в жизнь миллионов моих земляков. В предшествующие месяцы и недели наше телевидение в предло ряд «круглых столов» по атомной энергетике и по экологическим проблемам республики. Город полон слухов — один другого невероятнее. Митинг! Вот где можно почтить память погибших при аварии, дать возможность общественности непосредственно встретиться с учеными, врачами, участниками ликвидации последствий аварии и, возможно, рассеять вздорные слухи.

Инициативная группа собралась у Марининского дворца, где разместился Украинский комитет защиты мира, в рамках которого начала действовать экологическая организация «Зеленый свет». Но, увы, — слаб пока наш защитник природы и человечества — взять на себя ответственность за проведение такой акции, как митинг трудящихся, «Зеленый свет» не решился. Тут же было решено обратиться за помощью и разрешением на проведение митинга в горисполком. Согласовали текст и отправили гонца в приемную. Все в рамках Конституции. Поскольку сроки поджимали, попросили ре-

шить наш вопрос побыстрее. Когда мы пришли в понедельник 18 апреля за ответом (а митинг планировался на 24 апреля), взволнованная девушка в приемной сообщила, что наше заявление только сейчас попало «на доклад к т. Згурскому», что вопрос очень серьезный и может быть решен только на пленуме горисполкома и, естественно, никто не знает, когда будет пленум. Ответ, мол, получите в течение месяца. Какая уж тут годовщина... Наконец, после долгих уговоров милостиво разрешила справиться о результате в среду, 20 апреля».

Ставслав Петрович Ольштынский:

«До 20 апреля подписавших письмо подвергли проверке с целью установления реальности личностей, образа жизни, благонадежности и лояльности по линии райотделов милиции с посещением места жительства участковыми уполномоченными и наведением справок у соседей и дворников домов. С нами были проведены беседы представителями бюро первичных партийных организаций и сотрудников режимных отделов по месту работы. Эти беседы носили характер «прывивания мозгов» с увещеваниями в стиле «почему вы с нами не посоветовались?», «почему не поставили нас в известность?». При всей внешней вежливости этих «бесед» они носили характер бюрократического нажима.

20 апреля 1988 года мы были приглашены на прием к заместителю председателя Киевского горисполкома В. Н. Кочерге, однако прием был перенесен им на следующий день. 21 апреля пятеро из нас были приняты В. Н. Кочергой. В кабинете присутствовали также директор Института коммунальной гигиены М. Г. Шандала, заместитель председателя городского комитета общества охраны природы А. Т. Лупашко, завприемной горисполкома И. К. Билевич и еще один мужчина в сером костюме, которого нам не представили. В течение всего приема он молчал.

Кочерга зачитал наше письмо, затем сказал, что исполком провел предварительные консультации с заинтересованными ведомствами и общественными организациями по данному вопросу. Никто из них это предложение не поддержал. Затем Кочерга сказал, что уже проведен ряд мероприятий, в том числе в г. Славутиче и у пожарных г. Киева. Вопросы чернобыльской аварии достаточным образом освещались в печати и на различных собраниях, и исполком считает нецелесообразным использовать для митинга выходной день. Далее он рассказал о радиационной обстановке в Киеве и ее безопасности, об удовлетворении городскими властями нужд переселенцев и строителей, проживающих в Киеве.

Хотя Кочерга высказался одобритительно о лозунге «Больше гласности в экологических вопросах», но на нашу просьбу окончательно сформулировать позицию исполкома по вопросу проведения митинга заявил, что исполком это предложение не одобряет и не поддерживает. Обещал выдать краткое письменное заключение.

Мы заявили, что в связи с фактическим отказом горисполкома в разрешении на проведение митинга мы прекращаем работу по его организации, оповещаем людей о том, что митинг не разрешен и никого не собираем для его проведения. Просим различные стихийные попытки выступлений с работой нашей группы не связывать.

Однако, как выяснилось, 24 апреля в парке Дружбы народов работали усиленные наряды милиции, был задействован вертолет наблюдения, а в Ватутинском райкоме КПУ в течение пяти часов находились собранные туда «на всякий случай» директор Чернобыльской АЭС М. П. Уманец, директор Института коммунальной гигиены М. Г. Шандала, член-корреспондент АН УССР В. М. Шестопапов, завлабораторией дозиметрии центра радиационной медицины АМН И. А. Лихтарев и многие другие руководящие работники партийных, советских органов и учреждений. А митинга не было! Получается, что Киевский горисполком впустую проделал огромную работу, оторвал от отдыха уважаемых людей совершенно зря, без всякой пользы для хорошего гражданского дела. «Только бы чего не вышло». Апофеоз бюрократизма!

Вот какова гласность и демократизация «по-киевски».

Галина Ивановна Гудзенко:

«26 апреля этого года маленький зал Союза писателей Украины, где состоялся вечер, посвященный второй годовщине аварии, не мог вместить всех желающих. Люди стояли в проходах, сидели на подоконниках, томились в коридоре. А в это время на Крещатике наряды милиции и дружинники «геронческими усилиями» пресекали стихийную демонстра-

цию по этому же поводу. И силы нашлись, и средства, а вот разрешить митинг — это пока выше возможностей наших городских властей. Удастся ли дожить до сотрудничества с «избранниками народа»? Очень хотелось бы этого».

28 апреля 1988 года в газете «Вечерний Киев» появилось сообщение Управления внутренних дел горисполкома, выдержанное в грозных, столь знакомых тонах:

«26 апреля 1988 года в 19.00 во время проведения подготовительных и ремонтных работ к первомайской демонстрации на улице Крещатик и площади Октябрьской революции группа экстремистски настроенных лиц, состоящая в основном из числа членов так называемого «украинского культурологического клуба», пыталась спровоцировать беспорядки, усложнить проведение этих работ, мешать движению транспорта и пешеходов.

Используя как предлог вторую годовщину аварии на Чернобыльской АЭС, участники собрания стремились провокационными выкриками и надписями на транспарантах подстрекать прохожих к противоправным действиям, сознательно спекулируя на их чувствах.

Руководители и активисты так называемого УКК были официально предупреждены правоохранительными органами о недопустимости подобных действий в соответствии со статьей 187³ Уголовного кодекса Украинской ССР, которая предусматривает ответственность за организацию или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок.

Поскольку, невзирая на предупреждения, участники собрания продолжали свои антиобщественные действия, сотрудники органов внутренних дел и народные дружинники были вынуждены доставить в Ленинское РОВД 17 правонарушителей.

После рассмотрения и соответствующего предупреждения 14 из них в тот же день были отпущены (следуют фамилии)».

Вспоминаю, как долгие годы в Киеве шла глухая борьба вокруг Бабьего Яра: кому-то очень не хотелось, чтобы на месте кровавых гитлеровских злодеяний собирались люди, вспоминали своих близких... Сколько административного рвения было затрачено на все запретительные меры — и какой ущерб мы наносили сами себе, престижу нашей страны. Потом наконец разум восторжествовал — и что случилось? Киев стоит на месте, красные флаги на месте, только в сентябре приходят к памятнику жертв Бабьего Яра люди, кладут цветы, выступают, встречаются, думают, вспоминают.

Я убежден, что Киевский горисполком и лично его председатель Згурский несут полную ответственность за то, что произошло в Киеве 26 апреля 1988 года. Вместо того чтобы отсиживаться под охраной милиции в служебном кабинете и разъезжать по городу в черной «Волге», В. А. Згурский (человек, совершенно недоступный для подавляющего большинства киевлян) был обязан проявить интерес к предложению вполне благонамеренных и законопослушных граждан Киева и подумать: что же лучше? Организованный и проводимый ответственными людьми митинг или стихийная демонстрация (кстати, тоже вписывающаяся в рамки Конституции), явившаяся следствием необоснованного запрета городских властей?

Трусливая, в сущности, антиперестроечная позиция (почему бы, кстати, после этой истории Згурскому как человеку, несущему моральную ответственность за нее, не подать в отставку?) только льет воду на мельницу различного рода экстремистов, пытающихся использовать неуклюжие запретительные меры безнадежно устаревшей Административной Системы для реализации своих корыстных целей.

Да неужели у вас, «отцы» нашего древнего города, нет иных аргументов и решений, кроме полка милиции и катков, перегородивших Крещатик? Стыдно за вас.

Я убежден, что «чернобыльские встречи» надо узаконить. Надо делать все возможное, чтобы не сработал период полураспада памяти, период нашего полужабтья. Ведь уроки Чернобыля жизненно необходимы нам для построения будущего.

Возвращение

КПП в Дитятках напоминает перевалочный пункт на границе двух государств. Широкая многополоска шоссе, помещения для караульной службы, шлагбаумы, предупредительные надписи. Это и есть граница Зоны — нового, невиданного мира, возникшего в 1986 году и надолго утвердивше-

госа на этих полесских землях, полных печальной прелести. Стоит перед шлагбаумом автобус. Обтерханный, выдавший вид «лазик». Сидят внутри люди — старухи в черных платках, старики. Молодецкий милиционер проверяет пропуска. Стареется не смотреть на желтый профиль покойника, желок цепляется за железный венчик стоимостью 8 рублей 50 копеек. Прохочут окрашенные зеленой краской жестяные листы.

Едут в Зону хоронить земляка. Возвращают его этой земле, родным местам, где вырос, где прожил всю жизнь. Поднят шлагбаум, автобус въезжает в Зону. При выезде он пройдет тщательный дозиметрический контроль. А поминки устроят уже на новом месте — где-нибудь в одном из многочисленных сел на Киевщине, выстроенных летом 1986 года... Возвращение.

Осенью 1987 года я поехал по Зоне в сторону Белоруссии. Когда выбрались на понтонный мост, переброшенный на окраине Чернобыля через Припять, увидели нескольких старых женщин, бредущих на левый берег реки. В черных плюшевых жакетах, с мешками на спинах. Когда поравнялись с ними, женщины замахали руками. Мы остановились, взяли их.

Что делают они здесь, в строго охраняемой Зоне?

Это возвращенцы. Или, как называют они сами себя, «самоселы». Те, кто самовольно, невзирая на все запреты, вернулся домой, в родное село. Так мы доехали до села Парышев, что в нескольких километрах от переправы. А возвращались женщины из Чернобыля, куда ходили купить хлеба и молока, ведь в селе ничего нет — ни магазинов, ни почты, ни медицины, ни власти никакой. Мы сели на скамеечку возле сельсовета, на дверях которого — увесистый замок, поговорили.

Ульяна Яковлевна Уруна:

«Скот мы сдали, когда выезжали отсюда. Сначала скота погрузили на машины, а потом нас. Пошла колонна скота и колонна людей. Если бы вы видели, что тут делалось... Самолеты летят. Скот ревет. Дети плачут... Война настоящая, только снаряды не рвались...»

Ханя Мироновна Уруна:

«Я поехала со всеми в эвакуацию, ну, и поселили меня к племяннице. Тут я имела хату, все хозяйство... а там по одной дочке ходи, да если что не так, то племянница кричит на меня. Я терпела-терпела и в июне 86-го вернулась. Границы тогда никакой не было. Прошла всю Зону пешком. Солдат не было. Вот я дома хожу, туда-сюда, когда — откуда ни возьмись — милиция пришла: «Здравствуйте, бабушка». — «Здравствуйте». — «Давно вы, бабушка, тут?» А я говорю: «Да в среду приехала». — «Вы, бабушка, здесь долго не будьте, потому что много будете набирать этих... рейганов...» Я говорю: «Детки вы мои коханные, я же больше не наберусь, чем набралась...»

Люди, когда выбрались в эвакуацию, так забирали вещи с собой. А я в ямку закопала. Вещи, разную срунду. Одежда чуть не погнила. Так я ее вывесила сушиться. А там всякое разное — и красное, и синее, и розовое. Тут слышу — самолет летит... В-в-в... Я — одежду прятать, чтоб не видели... Продолжаю жить. Уже больше стало людей — то один, то двое, то трое проникают и проникают. Вот я и дождалась, что надо картошку на осень возить. Своя плохая, пропала в земле. Я пошла по полям и навозила картошки мешков пятнадцать на зиму. Куры у меня были и три собаки.

Так и перезимовала. Ничего не боялась. Я на краю села жила, сама ночевала. Попросила, чтобы мне радио на батарейках купили, слушаю себе. Хоть бы что. Керосиновая лампа. А керосин брала в магазине, там его много — так нам милиция открыла, дали керосину. А дров сколько было! На этот год еще хватит. Печку натоплю, лежу себе, тепло, красота: А хлеб нам начала Белоруссия возить — лавка приезжала. Вот так зимой в нашем селе душ двадцать жило. А всего было перед аварией душ четыреста. А уже под весну начали люди съезжаться — больше, больше.

Спасибо милиции, они за нас заботились. Приезжали, смотрели — где там наши бабки? И снег разгребали, когда большие заносы были. Они нас не выгоняли. Поговорят, поговорят, что нельзя, а мы их послушаем... Сегодня уже в селе живет сто двадцать человек. Восемьдесят дворов заселено. Не только пенсионеры — есть те, кто работает в Чернобыле. Но детей сюда не везут.

И куда мы отсюда не выслемся. Ни за что. А если кто-то нас будет отсюда забирать — вон рядом речка: возьмемся

за руки и так прямо в речку бросимся. Если нас будут нахально трогать...

— А коровы вы держите?

— Ой, коровы, коровы... Горе одно. Вы знаете, откуда люди коров взяли? Из Черной зоны. Не купили, а просто поймали. Черная зона — это десятикилометровая. А наша зона считается Зеленой. Черная зона за проволокой — от нас в шести километрах. Люди рассказали, что в Черной зоне две коровы ходят. И двое теляток. «Заберите, — говорят люди, — жалко». Когда коров вывозили, видать, выпрыгнули из машины. И полтора года жили сами в Зоне. Коровы были тельные, когда прыгнули с машины, они растелились. И та, и та с теленком. Перезимовали и ходили. Разве можно на это спокойно смотреть? (Плачет.) И одна корова у меня. Я молока не ем. Она стоит у меня в сарае, я ей сено даю, свеклу, тыкву. Молоко у нее есть, но я не пью. А теленка уже нет. Волки съели. Сейчас здесь много волков появилось. Двух коней разорвали... И лисицы есть. Говорят люди, что в Старых Копачах еще одна корова ходит, килограммов девятьсот весу в ней, вымя такое большое. Она идет к людям и руки всем лижет. А люди боятся...»

Алексей Федотович Коваленко:

«Я здесь зимовал. Мне восемьдесят лет, я радиации не боюсь. Воевал. Был на финской еще. Закончил войну в Праге.

Живем очень хорошо. Земли сколько хочешь — хоть пять гектаров бери. Только нечем пахать. Власти никакой. Белорусы берут наши совхозные угодья. Здесь Белоруссия в семи километрах от нас. Так они под самым моим домом выкосили сено и вывезли к себе. Из Белоруссии приезжали машиной закупать картошку. По 20 копеек платят нам за килограмм. Потом возят ее в Москву, Ленинград. Как можно это понять — что это такое?»

После этих рассказов мы ехали молча. Слов никаких не было... На земле уже явственно проступали признаки звероватости и запустения: кустисто росла самосеянная пшеница, бурьяны подступали к аромату дожде...

Потом Украина внезапно закончилась. Началась Белоруссия, о чем извещала едва заметная, замухрыщенная, засыпанная пылью табличка. Белоруссия — сестра Украины, многострадальная и героическая, простодушная и работающая. Авария в Чернобыле жестоко прошла и по белорусским вескам, лесам, болотам (там, где радионуклиды труднее всего очистить). И только совесть и мужество Алесь Адамовича, его взволнованный голос заставили местные власти взглянуть в лицо беспощадной правде, признать тот факт, что радиоактивный факел опалил и Белоруссию.

После опубликования первой книги «Чернобыль» я получил много писем из Белоруссии, из которых можно было понять, как тяжело пришлось нашим северным «сябрам».

Привожу выдержки из двух писем:

«...Жаль только, что Вы ничего не пишете о Белоруссии, о нашем Брагинском районе. Ведь до 28 апреля 1986 года, когда по телевидению передали сообщение Совета Министров СССР об аварии, мы были в полной панике. Вся гражданская оборона, о которой так красиво отчитывались, оказалась фикцией. Ни в райкомах, ни в райисполкомах не могли дать никаких рекомендаций. Рекомендации Гомельского облисполкома были переданы по радио 8 мая, но и это были только рекомендации. Они были выдержаны в оптимистическом тоне: прямой угрозы здоровью и жизни нет... В нашей 30-километровой зоне занятия в школе продолжались до 7 мая, и дети днями гуляли на улице. А вот дети, например, парторга могли уехать «из Зоны» намного раньше...»

Хмеленок Николай Павлович, д. Недойка Буда-Кошелевского района Гомельской области.

«...Разрешите с Вами познакомиться. Я, Старохатный Аким Михайлович, бывший житель д. Вельямова Брагинского района Гомельской области. Это в 18 километрах от Чернобыльской АЭС, вблизи с. Посудово, что на железной дороге Чернигов — Овруч.

Деревни Киевской области (левобережья р. Припять) были эвакуированы 3 мая, а наши, белорусские — 4 мая (на пасху). Я очевидец этой страшной трагедии — эвакуации деревень, как и тысячи сельских жителей, согнанных с родных мест по воле неуправляемого атома...

Утро и день 4 мая 1986 года запомнятся на всю жизнь. Это было пережито в этот день — это целая книга... Включите в свою повесть эвакуацию одной из деревень (своей

деревенской или нашей белорусской). Тогда будет полнейшая картина этой катастрофы. Ибо эвакуация деревенских жителей можно смело сказать, еще трагичнее, чем эвакуация Припяти и Чернобыля. Городскому жителю легче было покинуть свою городскую квартиру. Сельского жителя вырвали с корнями, лишали всего того, чем он жил, что было нажито тяжелым трудом. Здесь и сад, выращенный собственными руками, и дом, построенный с большим трудом, и вывод кормилицы-коровы со двора, и оставление собак, кошек. Жертвами чернобыльской катастрофы стали тысячи крестьянских семей. Хотелось бы, чтобы во второй части своей повести Вы больше внимания уделили переживаниям простых крестьян, но не начальникам (предколхозов, директорам совхозов, парторгам и т. д.). Этим самым Вы покажете душу народа в этой катастрофе, что особенно важно.

Желательно, при посещении Белоруссии, чтобы Вы побывали в деревне Гдень, жители которой сами возвратились домой, отстояли свой колхоз и теперь живут там».

Вывя совету Акима Михайловича, я поехал в Гдень. В отличие от украинских сел здесь кипела жизнь. Мы зашли в местную школу, дивясь звонким ребячьим голосам (Гдень находится в 30-километровой зоне).

Василий Михайлович Самойленко, завуч школы деревни Гдень Брагинского района Гомельской области:

«Нас выселили 4 мая. А некоторые деревни выселили лишь в конце мая. Выселение организовано проходило — раз надо, так надо. А вот возвращение, заселение деревни проходило, как говорится, по-партизански.

Нас сначала вывезли в деревню возле Брагина, но потом оказалось, что мы из лучшей зоны попали в худшую. К нам приезжали Таразевич — председатель Президиума Верховного Совета БССР, Камай — первый секретарь Гомельского обкома. Говорили, что скоро вернемся домой. Но чтобы конкретно, чтобы была команда заселять Гдень — такой команды не было. Люди постепенно стали возвращаться. Колхоз стадо коров погнал сюда, пастухи пришли. Где-то к октябрю месяцу деревня была заселена. А учебный процесс мы начали после октябрьских праздников. Когда руководители выступали, они обещали нам благоустроить деревню, проложить асфальт, но, видимо, они сразу за все пострадавшие деревни ухватились — поэтому у нас начали, немного асфальта проложили, щебеня насыпали — и все. Только пыль теперь поднимается. А так мы живем нормально. Только медики работают вахтенным способом. И половины учителей не хватает.

Зона со стороны Белоруссии открыта, люди на своих машинах ездят. Колхоз наш полностью вернулся к хозяйственной жизни. В школе у нас учится пятьдесят один ребенок. Трое детей не вернулись. Молоко завозят в магазин. Молока недостаточно, но у людей есть коровы, люди употребляют молоко от своих коров. У меня у самого корова, я пью свое молоко. Слава богу — живу».

Надежда Михайловна Самойленко, учительница химии и биологии:

«Я думаю, что выскажу мнение многих: сюда мало кто бы вернулся, если бы мы имели, где жить. Нам не обещали построить села, как это сделали на Украине... Нам платят двойную зарплату, говорят, что у нас чистая зона. Но мне не очень-то верится, что она чистая. Если Украина всех своих выселила из 30-километровой зоны, считая ее нечистой, то почему же у нас в Белоруссии чисто? Вы знаете, сколько здесь километров до АЭС? Семнадцать. В хорошую погоду от нас станция видна. Как же может быть здесь чисто? Мы ВЫНУЖДЕННЫ были вернуться, это я смело заявляю. Нам некуда было деваться. Если бы нам предложили дома и квартиры, разве бы мы вернулись?»

Когда мы возвращались, нам золотые горы наобещали. И водопровод, и крыши, и асфальт. И клуб. Асфальт не проложен. Водопровод недавно проложили, но он работает ненормально. Топим в основном дровами. Пытаемся проводить разъяснительную работу, чтобы дети в лес не ходили по грибы, но...»

Покидая деревню Гдень, я заехал в полуразрушенный медпункт. Новый заканчивали строить. Пришла медсестра с удовольствием готовилась уезжать отсюда — она уже отбыла свою вахту... Дети с ранцами за спиной, возвратившиеся из школы, вселю бегали по улице. Пыль стояла

столбом. Куры копошились в навозе. Двое мужиков лениво возились на разобранной крыше клуба. И вдруг я увидел кошку.

Лысуя. Только лысина была не на голове, а на брюхе... А через несколько месяцев в первом номере журнала «Неман» за 1988 год я прочитал замечательный рассказ белорусского писателя Ивана Пташников «Львы». Герой рассказа — сельский простоватый пес Джуки повествует о том, как висел над селом желто-бурый туман, пахнущий йодом, как люди в страшных намордниках убивали ни в чем не повинных сельских собак. А собаки были облезшие, походили на львов...

КТО ВИНОВАТ

...Одну из своих очередных поездок в Чернобыль я приурочил ко времени, когда начался суд над виновниками аварии. Меня никто не приглашал на этот суд, более того, все попытки попасть туда разбились о стену вежливого молчания.

Впрочем, мои коллеги по перу, попавшие на процесс, тоже не бог весть какую информацию получили.

А. Коваленко:

«Мне кажется, что мы начали всю информацию делить как медики лжкарства — для наружного и внутреннего употребления. Причем если мы раньше старались вообще не давать никакой информации ни нашим, ни чужим, то сейчас ударились в другую крайность: мы на Запад даем информации значительно больше, чем внутрь страны.

Наверно, это вызвано нашими старыми комплексами, в соответствии с которыми иностранцев пропускают в первую очередь и т. д. — и это же срывает очень часто и в Чернобыле. На суд было допущено лишь 36 советских корреспондентов. Но только на открытие и закрытие. И 13 иностранных корреспондентов — на тех же условиях.

Ни один из советских и иностранных корреспондентов не находился в зале суда в течение всего судебного процесса. Но в то же время наши корреспонденты были завсегом ограничены в возможностях передачи какой-либо информации, кроме официального сообщения ТАСС. А западные агентства сразу же начали ее передавать. Эти 13 корреспондентов — пул западной прессы, представители самых могущественных агентств и компаний. Через час после начала процесса корреспондент Би-би-си Джероми уже начал передавать первую информацию. И наши люди, для того чтобы узнать о происходящих событиях на суде, вынуждены были обращаться к различным радиоголосам. Были переданы такие детали и подробности, которые придают достоверность сообщению.

А наши корреспонденты посидели на первом и последнем заседании и прочитали о суде сообщение ТАСС. Единственная газета в стране, которая дала собственный отчет о процессе, — «Московские новости».

...В Чернобыле стояли жаркие дни. Центральная улица, ведущая к отремонтированному зданию Дома культуры, в котором состоялся суд, была перегорожена несколькими барьерами. Увеличено число патрулей в городе. Мои друзья-физики, с которыми я пребывал в полукилометре от места проведения процесса, предупредили меня, чтобы не шлся без дела по улицам. Говорили, что кто-то бдительный меня разыскивал по общежитиям с целью «отловить», не дать попасть на суд, выдворить из Чернобыля...

Комедия, да и только! Прискорбная комедия. Открытый суд в тщательно закрытой Зоне. Только те, кто пытался заглушить информацию о суде — об открытых (ОТКРЫТЫХ!) его заседаниях, — просчитались. Потому что все равно мне — и не только мне — в подробностях стало известно обо всем, что там происходило. Нет, я не проникал в секретные помещения, не вскрывал сейфов с протоколами, не прятал в Доме культуры магнитофоны. Просто я поговорил с несколькими участниками суда, которые рассказали о самых важных его событиях, не забыв осветить и ряд подробностей. Это к сведению тех, кто пытался скрыть от писателей (кроме меня, на суд безрезультатно просился также писатель В. Яворивский), от журналистов, от общественности картину происходящего.

Пусть знают, что времена полного и эффективного глушения информации канули в Лету.

...Ушли в прошлое те жаркие дни, когда мы с физиками и с сотрудником «Литературки» Сашей Егоровым ездили на четвертый блок, ходили по Припяти, а рядом шли ежедневные заседания судебной коллегии по уголовным делам Вер-

известного Суда СССР. Итог их известен: бывший директор станции Брюханов приговорен к десяти годам лишения свободы. К десяти годам — бывшие главный инженер АЭС Фокин и заместитель главного инженера Дятлов. В зале суда взяты под стражу бывшие начальник смены Рогожкин, приговоренный после к пяти годам лишения свободы, начальник второго реакторного цеха Коваленко — к трем годам, государственный инспектор Госатомэнергонадзора Лашкин — к двум годам. Приговор обжалованию и опротестованию в кассационном порядке не подлежит.

ИЗ ПРИГОВОРА. «Согласно выводам судебно-технической экспертизы уровень технологической дисциплины на Чернобыльской АЭС не соответствовал предъявляемым требованиям. На станции имели место систематические нарушения технологического регламента, значительно количество остановок блоков по вине персонала. Не во всех случаях выявились причины нарушений, в отдельных случаях истинные причины нарушений скрывались... За период 1980—1986 годов в 27 случаях из 71 расследования вообще не производилось, а многие факты отказа в работе оборудования даже не регистрировались в журнале учетов». («Московские новости», 9 августа 1987 г.)

Это приговор юридический, вытекающий из процесса, проведенного в строгом соответствии с существующими законами, с участием обвинения, защиты и экспертов. Правосудие свершилось, виновные наказаны.

Но все это время, что минуло после аварии, проходил еще один суд, суд негласный, моральный, на котором тоже сталкивались разные мнения, а защита пыталась парировать выпады обвинения.

Давайте же побываем на заседании этого суда, послушаем голоса его участников.

Вначале приведу письма, полученные мною как раз в то время, когда я пытался реконструировать подлинную картину аварии (надеюсь опубликовать ее в книжном, полном издании повести): более всего меня интересовали не технические подробности (хотя и они чрезвычайно важны и здесь необходима строжайшая точность деталей), а психологические мотивы поведения участников трагедии.

Письмо первое:

«В 6-м и 7-м номерах журнала «Юность» напечатана Ваша документальная повесть «Чернобыль». Мы очень внимательно прочли Вашу повесть, пытаюсь как-то найти ответ на вопрос — за что погиб наш единственный сын, работавший на ЧАЭС старшим инженером управления реактором, — Топтунов Леонид Федорович.

Во время аварии в ту трагическую ночь 26 апреля он находился на смене в пультовой управления реактором 4-го энергоблока.

Мы увидели его 30 апреля в 6-й клинической больнице Москвы, когда он был еще не в таком тяжелом состоянии. Мы были с ним до последних минут его жизни и проводили его в последний путь. Мать была донором костного мозга для сына, но и это не помогло.

Мы были рядом с ним последние 14 дней его жизни. Матери он сказал, что он ни в чем не виноват, что он строго выполнял должностные инструкции.

После смерти сына из слов его товарищей по работе, которых нам пришлось встретить, мы кое-что узнали о его работе в ту трагическую ночь. Нам рассказали, что наш сын был не согласен с решением технического руководителя о поднятии мощности вторично. А повторные команды выполняются беспрекословно. Нам известно, что он принимал самое активное участие в локализации аварии и в проведении спасательных работ.

Ребята в первоначальный момент не знали о разгерметизации блока и об уровнях радиации. Если бы они были информированы о радиационной обстановке, наверно, было бы намного меньше жертв. Мы задали вопрос парткому ЧАЭС о действиях нашего сына и возможной его вине, однако партком отделался самой что ни на есть отпиской, да и то только после напоминания.

Приводим дословный ответ:

«Уважаемые Вера Сергеевна и Федор Данилович! Прежде всего разрешите выразить Вам свое глубокое соболезнование в связи с постигшим Вас горем. Трагические события на Чернобыльской АЭС оборвали жизнь Вашего сына и нашего товарища.

(Это через год и два месяца после того, как сына не стало.)

Ваш сын достойно вел себя в сложнейшей радиационной обстановке после аварии на станции, проявил твердость духа и мужество, выполняя свой долг по локализации аварии на Чернобыльской АЭС.

Что касается поставленного Вами вопроса, доведу до сведения, что в предаварийный период Леонидом Федоровичем Топтуновым был допущен ряд нарушений инструкций при управлении реактором блока № 4, что не позволило представить его к правительственной награде.

С уважением — секретарь парткома Е. Бородавко.

23.07.87 г.».

Вот такие противоречия между тем, что говорили нам товарищи по работе, оставшиеся в живых, и тем, что ответили нам тов. Бородавко.

Мы почему-то уверены, что тов. Бородавко кривит душой, зная, что покойники защищаться не могут... Наш сын рос и воспитывался в семье военнослужащего. Детство его прошло в местах, связанных с развитием ракетно-космической техники. Мы долгое время работали на космодроме Байконур. Он был честным и добросовестным сыном. Не мог он пойти на какие-либо нарушения. А если и было что, значит, обстоятельства заставили. Нам кажется, что товарищи из парткома ЧАЭС не хотели нам сказать правды, а отделались отпиской.

Если Вам известны хоть какие-то данные о действиях нашего сына в ту трагическую ночь, в чем его ошибка, просим написать нам правду, какая бы горькая она ни была.

Вера Сергеевна и Федор Данилович Топтуновы, г. Таллин».

Письмо второе:

«Все, что написано о Чернобыле во всех наших изданиях, мы по несколько раз перечитываем и храним у себя. Чернобыльская авария — это наша общая беда, но для нашей семьи это страшная трагедия.

26 апреля 1986 года в 00 часов заступил начальником смены наш сын Акимов Александр Федорович. Вышел он из 4-го блока АЭС в 8 часов 30 минут. 28 апреля к нам в г. Северодвинск Архангельской области пришла телеграмма из больницы № 6 г. Москвы. 29 апреля мы были у сына в больнице.

Пересадка костного мозга от одного из братьев, лучшие лекарства не помогли. Сын получил смертельную дозу радиации и 11 мая 1986 года скончался от острой лучевой болезни 4-й степени. 6 мая ему исполнилось только 33 года.

У Александра Федоровича остались жена и двое сыновей — Алеша, 9 лет, и Костя — 4 года. Его семье дали в Москве квартиру, назначили пособие, помогли материально. Правительство все сделало, чтобы помочь семьям Чернобыля. Но разве нам, родителям, от этого легче?! Самое тяжелое горе — это когда родители хоронят своих вчера еще здоровых, крепких детей.

Но согласитесь с нами: зная, что наш сын сделал все от него зависящее по недопущению и ликвидации аварии, сознательно пошел на самопожертвование (конечно, в данной ситуации) ради предотвращения более тяжелой катастрофы (об этом сказал начальник Главка Минэнерго на траурном митинге 13 мая 1986 года во время похорон сына), мы нередко читали и продолжаем читать, что технический персонал якобы был слабо подготовлен, нарушал трудовую и технологическую дисциплину и т. д., и т. п., то есть персонал — главный виновник аварии. Возможно, были и такие, кто был плохо подготовлен и технически, и морально. Даже не возможно, а действительно были. Но ведь в публикациях обвиняется весь инженерно-технический персонал...»

(Далее родители А. Акимова высказывают свои претензии к одному прозаику, который, по их мнению, оскорбил память погибшего сына: литературный персонаж, созданный прозаиком, показан в самых темных красках, а персонаж этот выполняет функции начальника смены аварийного блока.)

«...Наш сын с отличием окончил 10 классов, с отличием — МЭИ в 1976 году по специальности «инженер АСУ АЭС», 10 лет проработал на АЭС, член КПУ с 1977 года, избирался членом ГК КПУ г. Припяти. Трижды за эти 10 лет учился по 3—4 месяца с отрывом от производства. Последний раз — сентябрь — ноябрь 1985 года в г. Обнинске. Учебу заканчивал только на «отлично». Имел блестящие характеристики. Он и в тяжелой ситуации показал себя грамотным, умным, умелым инженером-руководителем.

Уже после смерти сына на наше имя 4 февраля 1987 года пришло письмо от замминистра Минатомэнерго, в котором он даст блестящую характеристику сыну и до аварии, и во время аварии.

Наш сын, находясь в больнице № 6, уже был на смертном одре и, зная свой исход, до конца был мужественным, в высочайшей степени волевым и нежным человеком. Врачи т.т. Гуськова, Баранов и др. искренне удивлялись его мужеству, терпению. Видел бы этот писатель его тело! Что с ним стало! Знал бы он о нашем сыне, о его воспитанности, о его чувстве долга перед товарищами, о его честности, — разве бы он смог так написать?!

Мы не ждем от писателя расхваливания фактов, тем более по такой теме, как Чернобыль. Но уж если взялся за такую, весь мир взбудоражившую тему, то напиши ее честно, правдиво, умно. Ради справедливости, ради науки потомкам, наконец, ради родителей, родственников погибших при аварии стоит написать правду о Чернобыле...

Зинаида Тимофеевна и Федор Васильевич Акимовы, Севродвинск Архангельской области».

Эти письма — как два выстрела в мое сердце. В упор. Ведь я не могу скрыться, как романист, за вымышленными фамилиями героев — тем более что и вымышленные фамилии, как видим, не освобождают писателя от высочайшей ответственности за каждое свое слово, когда прикасается он к свежей, еще кровотокающей ране, к горю человеческому. Я не могу позволить себе ни одного неточного слова (впрочем, романистам это тоже не пристало), не имею права на домыслы и догадки.

Не хочу, не могу, не имею права быть и обвинителем — особенно тех, кого уже нет в живых. Ведь мертвые молчат. А о живых сказал свое слово суд. Так, может быть, остаться чистым, никого не обидеть, не причинить боли, не касаться событий, вокруг которых еще не улеглись страсти?

Нет. Это недостойная позиция.

Восстанавливая в подробностях картину аварии, я встретился с двумя непосредственными участниками событий — начальниками смены блока № 4 Игорем Ивановичем Казачковым и Юрием Юрьевичем Трегубом. И. Казачков работал в смену с 8 до 16 часов 25 апреля 1986 года. И ЭТО НА ЕГО СМЕНЕ ДОЛЖЕН БЫЛ ПРОВОДИТЬСЯ ПРЕСЛОВУТЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ, КОТОРЫЙ МОГ ЗАКОНЧИТЬСЯ ВЗРЫВОМ: БЛОК МОГ ВЗЛЕТЕТЬ В ВОЗДУХ ЕЩЕ 25 АПРЕЛЯ В 2 ЧАСА ДНЯ. Только распоряжение диспетчера «Киевэнерго» заставило руководство станции перенести эксперимент.

Следующей сменой — с 16.00 до 24.00 — руководил Ю. Трегуб. И ЭТА СМЕНА ИМЕЛА ШАНС ВЗОРВАТЬ БЛОК. Однако по целому ряду случайностей эксперимент снова был отложен.

Судьбе было угодно, чтобы самая сенсационная авария XX века произошла на смене А. Акимова. Юрий Трегуб, сдавший смену Акимову, остался, чтобы принять участие в эксперименте. Он все видел своими глазами, более того — в роковые минуты помогал СИУРу (старшему инженеру управления реактором) Л. Топтунову вынимать стержни защиты, чтобы поднять мощность реактора... Потом были взрывы. Страшен в своих подробностях рассказ Ю. Трегуба о том, что творилось в те минуты в БЩУ-4. Ю. Трегуб подвергся воздействию повышенной радиации, перенес острую лучевую болезнь. Когда этот молодой парень вспоминает о подробностях аварии, у него дрожат руки. А Игорь Казачков — молодой бородатый увалень — все время нервно посмеивается, хотя ему вовсе не смешно.

И. Казачков:

«Почему ни я, ни мои коллеги не заглушили реактор, когда уменьшилось количество защитных стержней? Да потому, что никто из нас не представлял, что это чревато ядерной аварией. Мы знали, что делать этого нельзя, но... Никто не верил в опасность ядерной аварии, никто нам об этом не говорил. Прецедентов не было. Я работаю на АЭС с 1974 года и видел здесь гораздо более жесткие режимы. А если я аппарат заглушу — мне холку здорово намылит. Ведь мы план гоним... И по этой причине — по количеству стержней — у нас ни разу остановки блока не было.

— А если бы вы остановили реактор при снижении запаса стержней ниже допустимого? Что бы вам было?

— Я думаю, с работы выгнали бы. Определенно бы выгнали. Не за это, конечно. Придрался бы к чему-нибудь. Именно этот параметр — количество стержней — у нас не

считался серьезным. По этому параметру, кстати, у нас «защиты от дурака» не было. И до сих пор нет. Защит очень много, а вот по количеству стержней нет. Я так скажу: у нас неоднократно было менее допустимого количества стержней — и ничего. Ничего не взрывалось, все нормально проходило.

Но, конечно, ребятам не следовало поднимать мощность после ее падения. Если бы они не подняли мощность, не было бы такого тяжелого «отравления» реактора, и не было бы взрыва. Но им хотелось до конца довести испытания.

— А вы бы это сделали, Игорь Иванович?

— Пожалуй, да.

— Вы бы сами это сделали или по приказу?

— Думаю, что по приказу. Дятлов приказал бы поднимать мощность, и я бы дал команду на подъем.

— Подъем мощности — самое роковое решение?

— Да. Это было роковое решение... Я знал тех ребят, что сидели за пультом, — Акимова, Топтунова, Стулярчука, Киршенбаума. Это молодые ребята. Топтунов СИУРом работал совсем мало.

Саша Акимов — развитой парень, культурный. Он интересовался не только работой, читал много. Очень любил своих детей и нежно о них заботился... Дети были его гордостью — они начали с пяти лет читать, он постоянно занимался ими и любил об этом рассказывать. Автомобилист — холил свою машину. Он был членом Припятского горкома партии. Одно время его хотели выдвинуть на партийную работу, он был партторгом цеха. Саша Акимов был турбинистом, он, пожалуй, реактор знал похуже...

Ребята, которые были в ту ночь, рассказывали, что Леня Топтунов не справился при переходе с автомата и провалил мощность. Там много приборов, можно это проглядеть... Тем более он наверняка нервничал: такая ситуация была впервые — снижение мощности. Он ведь четыре месяца только СИУРом работал, и за это время ни разу не снижали мощность на реакторе. Хотя в общем-то ничего сложного в этой ситуации не было. И в том, что он провалил мощность, тоже ничего страшного не было. Ну, а потом... я затрудняюсь сказать. Разные люди по-разному рассказывают. Даже одни и те же люди по-разному говорят. То ли была команда на подъем мощности от Дятлова, то ли Саша Акимов дал команду. Дятлов на суде это отрицал, говорил, что вышел то ли в туалет, то ли куда — и «провала» не видел. Вернулся якобы тогда, когда они уже поднимали мощность.

Один свидетель показал, что Дятлов лжет, что он был при этом.

Но Дятлов говорил, что не отдавал приказа о подъеме мощности. Я не отрицаю такой возможности — вполне могло быть, что сам Акимов дал приказ поднять мощность. И если бы он был жив, то, думаю, его бы сурово покаркали как начальника смены блока.

Я был на суде... Они в своем деле специалисты — что судья, что прокурор — это чувствуется. Все правильно, конкретно. Но, я думаю, на аварию надо смотреть шире. Я об этом сказал на суде. Моя мысль заключается в том, что рано или поздно такой аппарат должен был взорваться. Он мог взорваться на Чернобыльской станции (кстати, вы знаете, что мы были лучшей станцией в Союзе?), но мог взорваться и на Смоленской, и на Курской станциях. По-настоящему, что есть какие-то организационные моменты, которые обеспечивают безопасность этого аппарата, но на человека все переложить нельзя. Все дело в недостатках самого реактора РБМК. Нигде в мире такие реакторы для целей энергетики не строят. Только этот реактор может при аварии сам себя «разогнать», увеличить свою мощность, вызвать дополнительное парообразование. Поэтому человеческий фактор не дает стопроцентной гарантии.

Если совсем точно сформулировать, то персонал ЧАЭС стал жертвой как своих ошибок, так и недостаточной устойчивой работы реактора. И недостаточной информации. Система СКАЛА, установленная там, выдавала информацию через определенные промежутки времени. Она постоянной информации не выдает. А бывает, ломается, происходит сбой программы, и мы остаемся без информации...

Я много думал о причинах аварии. Если бы я был на месте судьи, какое бы вынес решение? Говорят, что понять — это оправдать. В данном случае я ребят понимаю. Как бы я наказал виновников? Вина директора Брюханова не в аварии, а в действиях после аварии. Главный инженер Фомин — я убежден — во взрыве не виноват. Может быть,

...несет за послеаварийные действия. Вина Дятлова есть, хотя до сих пор неизвестно, давал он команду на подъем мощности или не давал. Но не 10 лет — по-моему, он заслужил меньше. Начальнику смены станции Рогожкину я бы дал больше. Он был на центральном щите, когда это случилось, и даже побоялся прийти на БШУ-4. Знал, что там радиация. И полностью самоустранился от ликвидации последствий аварии.

Начальнику смены блока — то есть самому себе — я бы дал лет восемь. И если бы это случилось на моей смене, я бы понимал, что это справедливо. Только, наверно, я бы вообще не жил. Даже если бы выжил, то не вынес бы таких моральных мук. Мне очень жаль Акимова. Ведь он наверняка понял свою ответственность за происшедшее. Через день, через два — но понял. Он очень мужественный человек, он умирал в муках, но прогнал от себя свою жену, потому что от него очень сильно «фонило»...

Я вот сейчас думаю: что надо, чтобы это не повторялось? Не говорю о технике, я о ней все сказал. Говорю о людях. За пультами должны сидеть не только высококвалифицированные люди, но и БОЛЕЕ СВОБОДНЫЕ. Свободные от страха. Не боящиеся меча, постоянно висящего у них над головой. Вот вы знаете, что такое — быть выгнанным с работы в Припяти? Это все, конец. Это ужасно, понимаете? У нас был начальник смены реакторного цеха Кирилук. В 1982 году на ЧАЭС было нарушение штатного режима, его выгнали с работы, со станции. И куда он устроился? Ведь Припять — маленький городок. Главное здесь — АЭС. Так вот этот Кирилук устроился инженером по снабжению на 120 рублей. Это кошмар, как вы понимаете. Нами правил страх. Страх, что выгонят. Этот страх диктовал неправильные действия.

— А как стать свободным человеком?

— Не знаю. Не берусь сказать. Может быть, на эту работу надо набирать головастых ребят-физиков из Киева, Москвы, из научно-исследовательских институтов, сроком на 5 лет. Не зависящих от квартиры, от отношения начальства. Приведу вам пример. Когда я был СИУБом (старший инженер управления блоком), у меня сложилась такая ситуация, что мы жили в пятером в однокомнатной квартире в Припяти. Я прихожу с ночной смены — мне надо поспать, а где? Все толкутся в одной комнате. Я пошел к директору на прием по личным вопросам. Чтобы как-то ускорить это дело. Тем более незадолго до этого взяли на работу уборщицу, дали ей трехкомнатную квартиру. Говорю: «Дайте лучше мне. Она уборщица, а мне нужно отдыхать. Я отвечаю за блок». А Комисарчук — начальник отдела кадров — спрашивает: «А почему ты считаешь, что ты лучше уборщицы? Она советский человек, ты — советский человек...» И все. Что я могу здесь сказать?

И потому, будучи СИУБом, я боюсь проявлять самостоятельность. Я полностью зависю от станции. Сейчас я зависю в меньшей степени. А до аварии — полностью. Во всех аспектах — моральных, финансовых. Я связан по рукам и ногам. Со мною могут сделать, что хотят. Если бы Саша Акимов был свободен, тогда у него была бы возможность принимать правильные решения. Оператор АЭС должен быть как летчик. Даже больше чем летчик или космонавт. Космонавт погибнет — трагедия. Но не такие страшные последствия, как здесь...»

Ю. Трегуб:

«Если исходить из тех инструкций, что были перед аварией, все действия персонала правильны. Их вины нет. Все, что делалось, было в пределах полномочий смены. Если бы это оговаривалось особой опасностью, тогда другое дело. Самой высшей властью обладал тогда на блоке Дятлов. Его авторитет и наше доверие... сыграли определенную роль. Леня Топтунов — молодой парень. Его жаль. Я думаю, что если бы сидел на его месте, у меня этого бы просто не произошло. Хотя, может быть, я чего-то не знаю... Готовился Топтунов долго — по крайней мере за пультом СИУРа около 8 месяцев, а работал самостоятельно минимум 2—3 месяца. Может быть, сыграло определенную роль и то, что раньше мы работали без автоматических регуляторов (ЛАРов) и потому постоянно были сами включены, как автоматы. Все время в напряжении. Проводились замеры — СИУР в минуту совершал от 40 до 60 управлений стержнями. Потом поставили ЛАРы, которые значительно облегчили работу, но они изменили ее характер, — и такого оперативного опыта Топтунов уже не имел. Для того чтобы не потерять навыки ручного управления реактором, каждую ночь

новую смену надо было 2 часа работать в ручном режиме. Практически все было оговорено, все учтено, но Топтунов мог и хуже работать... Все-таки это не то что работать год не разгибаясь. У нас доходило до того, что мы по 8 часов не выходили, извините, в туалет от пульта. Но это было еще до введения ЛАРов.

Я сочувствую этим ребятам. Мне кажется, мы судим их не за ошибку, а за последствия. Дятлов же наказан больше за характер свой, чем за незнание. Он был очень самоуверен. Отличная память. Если бы не эта самоуверенность, он бы и программу не возложил на свои плечи. Он был для нас самым большим авторитетом. Недосыгаемый авторитет. Его слово было законом».

А. Усков:

«Никогда не думал, что так тяжело ответить на простой с виду вопрос: «Будь ты на месте тех инженеров на БШУ-4 в ночь 26 апреля 1986 года — ты бы пошел на нарушение «Регламента», чтобы провести тот эксперимент?»

Это сейчас мы поумнели. Какой же ценой нам это досталось! В памяти уже, наверно, навечно останутся темнота, развалины блока, страшное уханье пара, реакторный графит, выброшенный на территорию ЧАЭС, а потом обожженные до неузнаваемости лица ребят в московской клинике.

Но если постараться отбросить этот испытанный на собственной шкуре опыт и постараться вспомнить, каким ты был «до войны», то не просматривается категоричного «Никогда!».

А если совсем честно, то я мог нарушить «Регламент» (наверное...). Будь я работником блочного щита управления (БШУ), я, пожалуй, мог бы возразить главному инженеру станции Фомину (или его заму Дятлову), **НО КАТЕГОРИЧЕСКИ ОТКАЗАТЬСЯ ВЫПОЛНИТЬ ЕГО КОМАНДУ — НА ЭТО БЫ ДУХУ НЕ ХВАТИЛО.**

Почему так?

Может, я трус?

Да нет, вроде не трус. Орден¹ за ночь 25 апреля говорит сам за себя. Может, в голове пусто? Несомненно, не самый крупный специалист в атомной энергетике, но знаний достаточно, чтобы понять — тебя толкают на нарушение «Регламента»...

Постараюсь разобраться, если смогу...

Первое. Мы зачастую не видим необходимости неукоснительного соблюдения наших законов, поскольку эти законы нарушают сплошь и рядом на твоих глазах, и неоднократно! Впрочем, это называется «обойти закон». И нарушают люди, которые должны быть образцом выполнения долга: гражданского, партийного, профессионального, наконец. И растлевающее действие таких примеров сильнее, чем от десяти радиостанций «из-за бугра». Потому что эти примеры на наших глазах! Разве не знала Государственная комиссия, принимавшая 4-й блок в эксплуатацию, что принимает его с отступлением от проекта? Конечно, знала...»

ИЗ ПРИГОВОРА: «31 декабря 1983 года, несмотря на то, что на четвертом энергоблоке не были проведены необходимые испытания, Брюханов подписал акт о приемке в эксплуатацию пускового комплекса на блоке как полностью законченного». («Московские новости», 9 августа 1987 г.)

А. Усков:

«...Но посчитала — ничего, потом доведем! Вот и пришлось два с лишним года спустя проводить на 4-м блоке эксперимент, чтобы довести систему безопасности до требований проекта! Вот и довели блок «до ручки»! Если смотреть глубже, авария началась не в 1 час 23 минуты 26 апреля 1986 года, а в декабре 1983-го, когда директор АЭС Брюханов поставил свою подпись в акте Госкомиссии как ее полноправный член. Поставил, не видя необходимости настоять на проведении испытания выбега турбогенератора для питания собственных нужд блока. А московским товарищам в тем более этот выбег был не нужен: 4-й блок, мол, пущен и пойдет в рапорт за этот год! Как приятно...»

А ведь совсем другая была бы картина, провели они этот злосчастный эксперимент тогда. Реактор со свежим топливом, со значительным количеством поглощающего материала в активной зоне имеет отрицательный коэффициент, то есть НЕ ПРИВОДИТ К РАЗГОНУ НА МГНОВЕННЫХ НЕЙТРОНАХ!

Вот так мы и работали.

¹ А. Г. Усков награжден орденом Дружбы народов за героизм, проявленный при ликвидации аварии на ЧАЭС (прим. ред.).

Но самое главное, почему персонал в ту ночь нарушил «Регламент» (а это тоже Закон!) — отсутствие четкого объяснения: почему **КАТЕГОРИЧЕСКИ НЕЛЬЗЯ** работать при оперативном запасе реактивности меньше 15 стержней. Ребята и представили себе не могли, что **НАХОДЯТСЯ В ЯДЕРНО-ОПАСНОМ РЕЖИМЕ!**

Нигде ни полстрочки об этом даже не упоминалось. А еще с институтской скамьи было крепко вбито в голову: **РЕАКТОР ВЗОРВАТЬСЯ НЕ МОЖЕТ!** Это уже после аварии оперативный запас установят 30 (!) стержней и не меньше. Это уже в октябре 1986 года введут в «Регламент» грозное предупреждение: «...При запасе менее 30 стержней **РЕАКТОР ПЕРЕХОДИТ В ЯДЕРНО-ОПАСНОЕ СОСТОЯНИЕ!**»

Говоря простым языком, при запасе 29 стержней мы попадаем в ядерно-опасный режим, а до аварии этот запас был регламентным и считался нормальным.

Где же были раньше товарищи ученые, проектанты, конструкторы?

Как ответила экспертная группа на вопрос суда в Чернобыле?

ВОПРОС СУДА. — Почему в (старом) «Регламенте» персонал не предупрежден, что при работе реактора на мощности менее 700 МВт (тепловых) и с запасом менее 15 стержней реактор переходит в ядерно-опасное состояние?

ОТВЕТ ЭКСПЕРТОВ. — Считали это ненужным. Думали, что на станции работают грамотные физики (?!). Сейчас были вынуждены сделать это.

Детский лепет. Стыдно слушать.

Одни считали ненужным объяснить (а может, сами не знали природу очень важного запрета); мы же, персонал, считали, что этот запрет можно «объехать». Вот и доработались.

На суде одни сидели на скамье подсудимых, а другие — за столом экспертов и сурово спрашивали за все (в том числе и за свои грехи).

Второе. Очень важным моментом (как это ни странно слышать) я считал и считаю высокий уровень оперативной дисциплины на атомных электростанциях. Впрочем, это характерная черта многих режимных предприятий, где работники имели более высокую зарплату, определенные льготы и дорожили своим местом. Уровню технической подготовки, технологической дисциплины оперативного персонала уделяли особое внимание!

Корни тщательного отбора и подготовки персонала растут из тех «закртых» объектов, где создавалось наше ядерное оружие. Конечно, со временем отбор стал проще, требования к анкетным данным помягче, но оперативная дисциплина поддерживалась на высоком уровне.

И не имеет права подчиненный работник не выполнить распоряжения своего начальника. У него есть возможность аргументированно возразить при неправильном распоряжении. Но при повторе распоряжения немедленно выполнить! А потом уже обжаловать... И беда в том, что аргументированно возразить было тяжело в той ситуации, потому что имелись лазейки. Впрочем, возражать почти никто и не пытался, настолько был велик авторитет физика — заместителя главного инженера по эксплуатации 2-й очереди Дятлова. Сейчас мы подошли к третьей важной причине.

Третье. Рискованно возражать руководителю высокого ранга. Не нравятся строптивые, как правило: не возражают безграмотным начальникам, молчат и согласно кивают грамотным начальникам.

Потому что живет в наших душах холопская исполнительность, желание расширить лоб на виду у начальства. А там, глядишь, и заметят твоё усердие. А если еще и со знаниями слабовато?.. Тут уже не до аргументированных возражений, и без этого есть грешки в работе.

Я не работал на БЩУ и не знаю, каким был бы СИУРом, но уверен, что эти три основных момента в разной степени влияли и на меня тоже.

Не очень приятно говорить об этом, но нет у меня полной уверенности, **ЧТО Я НЕ МОГ БЫ ПОВТОРИТЬ ОШИБКИ РЕБЯТ** с блочного щита управления блока № 4 26 апреля 1986 года. Я **ТОЖЕ МОГ ОКАЗАТЬСЯ НА ИХ МЕСТЕ!**

В заключение хочу привести мнение такого авторитетного эксперта, расследовавшего причины аварии, как **Валентин Александрович Жильцов:**

«Авария на ЧАЭС показала, насколько надо быть компетентным, щепетильным в вопросах атомной энергетики.

Здесь нет мелочей. Здесь надо все проверять и перепроверять. Я часто вспоминаю слова одного из своих учителей — сподвижника И. В. Курчатова: «С ядерным реактором надо обращаться на «вы», он ошибок не прощает; аварии происходят тогда, когда об этом забывают... Огромную роль играет квалификация персонала. Взять хотя бы СИУРа Л. Топтунова. Сейчас совершенно определенно установлено, что в момент перехода с ЛАРов (локальных автоматических регуляторов) на АРы (автоматические регуляторы) произошло падение мощности реактора. Мощность «потерял» Топтунов — она была провалена до нуля. Однако положила руку на сердце я бы не обвинял в этом Топтунова. Его вины в том нет. Есть недостаток опыта, квалификации. В том сложном переходном процессе, который в этот момент происходил, даже квалифицированному СИУРу было бы трудно скомпенсировать аппарат. Режим аппарата в той ситуации очень нестабилен. Собственно, вся цепь несчастий началась именно с той злополучной потери мощности реактора. Чтобы стать квалифицированным СИУРом, надо пройти через переходные процессы, познать их. А их, судя по тому короткому времени, в течение которого Л. Топтунов работал на 4-м блоке, практически не было. Тренажера на ЧАЭС тоже не было. Ему нигде было научиться. Если бы Топтунов прошел через такой переходный процесс поднятия и снижения мощности реактора, понял бы его динамику — он бы, на мой взгляд, справился. Потому что и раньше на реакторе были подобные ситуации. За это Топтунова осуждать нельзя, можно только сочувствовать.

Но вот все, что связано с поднятием мощности после ее «провала», — это уже были явно неправильные действия. Потому что был очень мал оперативный запас реактивности. Это означает, что в реакторе осталось только несколько стержней, полностью или частично введенных в активную Зону для коррекции распределения поля энерговыделения по объему. Все остальные стержни были извлечены. В таких условиях поднять мощность очень трудно и тем более сложно управлять распределением нейтронного поля.

— Валентин Александрович, кто давал приказ о поднятии мощности?

— Дятлов. Они хотели провести испытания любой ценой.

— А если бы СИУР Топтунов отказался поднимать мощность? Он имел на это право?

— Имел. Он мог нажать кнопку АЗ-5 и остановить реактор. Как раз регламент этого и требовал. Реактор прошел бы «йодную яму» в течение суток — и все.

— А начальник смены блока Акимов мог это сделать?

— Да. И Акимов мог это сделать.

— Валентин Александрович, это очень большой — особенно для родных и близких погибших — вопрос: если бы Топтунов и Акимов остались в живых, они были бы на скамье подсудимых?

— Да. К сожалению, были бы. Если бы они заглушили реактор, их бы никто не наказал. Потому что они бы действовали тогда в соответствии с «Регламентом». К тому же, как я понял, как поняли большинство моих коллег, на суде игра шла в основном в одни ворота: доказать бесспорную вину эксплуатационного персонала. И, как видно из приговора, это вполне удалось.

С точки зрения закона, может, все и верно: порок наказан... (Но весь ли порок наказан?) А как быть с Добродетелью? Торжествует ли она? Вопросы... Вопросы...

Персонал нарушил «Технологический регламент», в частности требование о недопущении снижения оперативного количества стержней, находящихся в активной Зоне, ниже 15, хотя при сложившейся ситуации формальное соблюдение требований «Регламента» в данной части вовсе не означало полной гарантии безопасности; все зависит от конкретных условий. В то же время я был свидетелем, когда приходилось работать при значительно меньших запасах реактивности, когда осуществлялся подъем мощности после кратковременной остановки (особенно после ложного сбавывания АЗ) и когда требование прохождения «йодной ямы» было необязательным. Но чем это чревато?.. Об этом действительно нигде не упоминалось. Разве только в техническом задании или описании системы управления и защиты реактора в таком ключе: «...оперативный запас необходим для улучшения маневренности при управляемом частичном снижении мощности в режимах АЗ-1 — АЗ-3...» Не гарантирую точность формулировки, но что возможна ядерно-опасная ситуация — об этом действительно нигде никакого намска.

Была также нарушена программа испытаний. Как бы пло-

на она ни была, но мощность реактора в ней была указана не более 700 — 1200 тепловых МГВ.

Реактор должен был автоматически глушиться по сигналу «отключение двух турбин». Но одна турбина уже стояла, а на 8-ой, на которой проверялся тот злополучный «выбег», БЫЛА ЗАБЛОКИРОВАНА ЗАЩИТА, так как ее «ЗАБЫЛИ» разблокировать после окончания вибрационных испытаний. В этом серьезная вина персонала. Поэтому реактор продолжал работать еще почти 30 секунд после отключения турбины, после чего была предпринята попытка заглушить его кнопкой АЗ-5. Сделал это, согласно записи в «Оперативном журнале», СИУР Л. Топтунов. Он же через несколько секунд повернул ключ «снято питание муфт». Об этом мы тоже узнали из записей в журнале (кстати, наиболее честно и аккуратно их вел Л. Топтунов) и из распечаток «черного ящика».

Но в чем персонал прав, так это в том, что они действительно не представляли всех особенностей реактора и его конструктивных недостатков. При снижении запаса реактивности реактор РБМК практически теряет способность управлять, защитные свойства ухудшаются. Более того, возникла та редчайшая ситуация, когда система аварийной защиты (АЗ) послужила стартовым толчком к разгону реактора. Была бы аварийная защита нормальная — реактор никогда бы не разогнался, каких бы ошибок СИУР Л. Топтунов ни наделал. Ибо тормозная педаль должна тормозить, а не разгонять автомобиль.

Если еще говорить о смягчающих вину обстоятельствах, то испытания должна была проводить не смена Акимова и Топтунова, а предыдущие смены — Казачкова или Трегуба. Те смены лучше изучили программу, они были готовы к испытаниям морально. Но вы знаете, что днем диспетчер «Киевэнерго» попросил продержать блок на мощности до вечера. Начальник смены станции Рогожкин мог отказаться сделать это. Он мог заявить, что реактор сейчас работает в переходном режиме и АЭС не может выполнить требования «Киевэнерго». Но оказалось, что Рогожкин с этой программой даже не был знаком. Так он нам заявил, когда мы его вызывали и спрашивали. Знаете, Юрий Николаевич, у меня даже язык отнялся, когда я это услышал... я не знал, что спросить... Он сидел на ЦЩУ — центральном щите управления — и ОБЯЗАН был знать, что творится на блоке.

Это что касается «человеческого фактора».

Но есть еще и «технический фактор». И об этом надо тоже говорить откровенно. Ведь мы сейчас досконально разобрались во всем, что произошло в реакторе, только благодаря наличию мощной вычислительной техники, которой мы сейчас располагаем. Но на уровне того времени, когда создавался реактор РБМК-1000, разработчики не располагали такими мощными ЭВМ, трехмерными программами и надежной системой констант, которые позволили бы создать полную математическую модель реактора и «проигрывать» на ней все возможные и невозможные ситуации и находить оптимальные решения по их преодолению. Поэтому до аварии на четвертом блоке ЧАЭС многое оставалось непознанным, конструктивные недостатки — неустраненными.

Первый блок РБМК на Ленинградской АЭС был запущен в 1973 году. За это время в стране вошло в строй 14 энергоблоков РБМК. Мы считали, что мы его хорошо знаем. Увы... далеко не все нам было известно.

Надо честно признать, что сложнейшая техническая система, созданная человеком, в чем-то оказалась еще непознанной, непредсказуемой. Эта непредсказуемость как раз и проявилась в сочетании с нарушениями «Регламента» и ошибками персонала. В другой ситуации это бы не проявилось.

Один из недостатков реактора РБМК — отсутствие достаточной информации об оперативном состоянии активной зоны. С точки зрения физики реактора, сложнейших процессов, происходящих в нем, недостаточным оказалось количество существующих датчиков, их чувствительность. Информация от них существенно отстает от развития событий в реакторе.

Безусловно, что и само построение БЩУ могло быть более рациональным. Например, на Игналинской АЭС — новой станции — информация представлена более полно и удобно, она более оперативна, и оператор быстрее ориентируется в ситуации. На Чернобыльской АЭС информация не обладает функцией советчика — как лучше поступить? Оператор здесь должен иметь большой опыт работы.

Будем откровенны. Пришло время сказать горькую правду.

Во всем обвинять одну эксплуатацию — это слишком просто и не требует особых доказательств, так как ошибки действительно были и от них никуда не скроешься. Но авария на 4-ом блоке ЧАЭС высветила прежде всего многие конструктивные недостатки реакторов типа РБМК, инженерные и физические просчеты, а также порочность существовавшей (да и сейчас не преодолены эти трудности) системы ведомственной разобщенности Генпроектировщика, научного руководства, Главного конструктора, эксплуатирующих организаций.

В принципе то, что случилось на ЧАЭС, могло произойти на любой другой АЭС с блоками типа РБМК, но случилось именно там, потому что Чернобыльская АЭС лучше была к тому «подготовлена», отчасти в силу именно тех причин, которые справедливо отмечены вами в первой части повести, — то есть это было какой-то «роковой каплей» в общей совокупности всех факторов.

ЧАЭС по сравнению с другими АЭС была наиболее ослаблена с точки зрения технического руководства. К тому же добавь высокие темпы строительства ЧАЭС, когда кадров попросту не хватало и на ответственные участки выдвигались слабо подготовленные люди, иногда без учета предшествовавшего практического опыта.

Кроме того, ЧАЭС находилась в более сложном, по сравнению с другими АЭС, административном подчинении: с одной стороны — свое республиканское Минэнерго УССР, а с другой стороны — «Союзатомэнерго» Минэнерго СССР. А была еще и третья и четвертая стороны — это контролирующая, лимитирующая и предписывающая организации. Они требуют план, перевыполнение плана, досрочное освоение мощностей. Другое — выполнения требований «Регламентов», «Норм», «Правил», соблюдения сроков ремонта и т. д. Руководству Чернобыльской станции приходилось маневрировать, чтобы увязать порою несвязываемые вещи, идти на компромиссы, «ублажать» тех, от кого зависит согласование того или иного отступления от проекта, «Норм» и «Правил»... Вот здесь и проявилась порочность существующей системы разделения возможностей и ответственности: АЭС несут ответственность за выполнение плана по выработке электроэнергии, за соблюдение графиков ремонта, за обеспечение безопасности работы энергоблоков, за развитие и реконструкцию АЭС, не имея в руках возможностей «влиять», «обеспечивать», «поставлять», так как вся экспериментальная, конструкторская база, поставщики находятся в других руках — за межведомственным барьером, а эти руки, как правило, ни за что не отвечают (что и подтвердилось в ходе судебного разбирательства).

Так, с благословения того же Главного конструктора и научного руководства допускались некие «временные» отступления, освоение мощностей с недоделками и целыми нефункционирующими системами, разрешение на работу на форсированных режимах (чтобы дать план «любой ценой») и тому подобное.

За что же взыскивать с одной эксплуатации, если идеология реактора и его конструкция содержат серьезные изъяны, а всякие отступления от проекта, допускавшиеся в процессе сооружения, санкционировались, как правило, авторским надзором, который есть на любой АЭС?

И еще одно. До сих пор (до аварии) все тщательно измерялось и проверялось только в начальный период — на «свежей» зоне в период физического пуска реактора. Исходная, «нолевая» точка всегда была надежной. Но что происходило с реактором в процессе его работы, — тем более что каждый реактор работал и вел себя по-разному, — никто и ничего не знал. Либо довольствовался тем минимумом знаний, который удавалось получить расчетным путем по упрощенным моделям. Проведение же каких-либо экспериментов с целью уточнения физических характеристик реактора в процессе работы категорически пресекалось, поскольку это шло в ущерб плану по выработке электроэнергии. Да и с точки зрения дилетантов это было не нужно: дескать, реактор работает нормально и что с ним вообще может быть?..

Как это все могло произойти?

Я считаю, что причина всех причин — монополия отдельных лиц, институтов, ведомств на истину в последней инстанции. Любые решения, иногда с откровенными техническими просчетами, отступлениями от действующих «Норм» и «Правил», утверждались рукой непререкаемого Авторитета, без проверки, без объективной технической экспертизы.

Но даже в атмосфере такого силового и авторитарнейшего

...мнения раздавались голоса предостерегавшие, призывавшие к трезвому взгляду на вещи... Но к ним не прислушались.

Произошла авария.

Вот какая цена была заплачена за пренебрежительно-барское отношение ко всему тому, что исходило из других ведомств. Здесь со всей очевидностью проявилась порочность системы, когда неапробированные и недостаточно обоснованные расчетами и экспериментами решения сразу внедрялись и широко тиражировались. Я не раз был свидетелем того, как решения принимались вопреки мнению экспертизы, а иногда мнение экспертизы подменялось окриком сверху или заранее подбирались только удобные экспертизы...

Все, что уже сделано и продолжает делаться на реакторах типа РБМК (а сделано после аварии очень много, поверьте!) для повышения их надежности и безопасности, — делается, как правило, за счет снижения их экономических показателей. Если бы все это было учтено на стадии проектирования, то реактор РБМК (я в этом почти уверен) не был бы утвержден к серийному производству — как неконкурентоспособный и не отвечающий требованиям безопасности. А разве можно сбросить со счетов, что сооруженный энергоблок по фактическим затратам на 20%, а иногда в 1,5 раза превосходил, как правило, утвержденные проектные сметы!

Я лично, как специалист, отдавший атомной энергетике всю свою жизнь, вовсе не противник этого направления — и реактор типа РБМК вовсе не так уж безнадежно плох. Есть реальные возможности и все предпосылки к тому, чтобы его «довести» и сделать действительно безопасным, надежным и оптимальным с точки зрения физики и экономики. Но до сих пор нет института, нет человека, который бы отвечал за АЭС в целом и именовался: «Генеральный конструктор АЭС» (как, например, в авиации, космонавтике).

А что же есть? Генеральный проектировщик — это в основном проектирование зданий и сооружений АЭС, систем электро- и водоснабжения, выдачи мощности и т. д. Главный конструктор реактора проектирует и отвечает только за реакторную установку в пределах своей «зоны проектирования». Научный руководитель отвечает только за физику реактора и обоснование пределов безопасной эксплуатации.

Есть еще масса разработчиков и поставщиков отдельных технологических систем и оборудования: турбин, насосов, разгрузочно-загрузочной машины, информационно-вычислительной системы и т. д., — которые работают по соответствующим техническим заданиям, выдаваемым им вышеперечисленными институтами.

Говорю это все с одной лишь целью: подобное никогда не должно повториться.

ИЗ ПРИГОВОРА: «Уголовное дело в отношении лиц, не принявших своевременных мер по совершенствованию конструкций реактора, органами следствия выделено в отдельное производство» («Московские новости», 9 августа 1987 г.).

В. ЖИЛЬЦОВ: «Извините, Юрий Николаевич, но мне не нравится раздел «Предчувствия и предсказания». Я против всяких ссылок на «Апокалипсис», всяких разговоров о мистических «предсказаниях». В аварии никакой мистики нет. Мы сами упорно шли к ней долгие годы. Это техническим авантюристам выгодно было бы теперь все свалить на «слепую» стихию. Вот их надо разоблачать, а не рассуждать об «Апокалипсисе». Так мы можем только оправдать порочную систему, приведшую к аварии на Чернобыльской АЭС.

Ведь и до этой аварии были другие, которые тщательно анализировались; делались правильные выводы, которые зачастую оставались благими пожеланиями. Таким образом, готовилась почва для серьезной аварии (апокалипсиса). Я утверждаю, что настоящие виновники (творцы апокалипсиса) ушли от наказания. На скамье оказались лишь рядовые исполнители, сотворившие аварию без злого умысла, — продукт, порожденный системой.

Я и сейчас продолжаю утверждать, что ЭТО могло с равной степенью вероятности произойти на любой другой АЭС, а произошло в Чернобыле не потому, что кому-то так приснилось, а потому, что Чернобыльская АЭС ближе всех подошла к той опасной черте... Я помню высказывание В. П. Потаповой — высококвалифицированного специалиста по реакторам. Еще в 1977 году она сказала: «ОНИ же не представляют, что делают. Они же взорвут станцию!» Это был не бред большого воображения, а однозначный вывод,

сделанный после наблюдения за реальными людьми, за степенью их готовности к выполнению определенных функций.

Для каждого дела надо созреть — морально, политически, интеллектуально. Всякая патология — из-за несоответствия уровней развития науки и техники уровню знаний, компетентности, моральной и социальной готовности управлять этой техникой».

Наказания и награды

Нет нужды возвращаться к известным постановлениям (1986 г.) Политбюро ЦК КПСС и Политбюро ЦК Компартии Украины, в которых указаны конкретные виновники происшедшего, понесшие партийную и государственную ответственность за содеянное. Приговор суда также хорошо известен.

Однако этим не исчерпывается вопрос о вине и наказании отдельных должностных лиц. Существуют еще и нравственные измерения. Так, в ряде писем и во время встреч с читателями меня спрашивают о секретаре Киевского обкома партии В. Маломуже, интересуются: какое он понес наказание за свою деятельность по заглушению информации в первые часы аварии в Припяти? Что я могу на это ответить? Я писал не фельетон, не разоблачительную статью. Если бы это было моей целью, пришлось бы вести специальное расследование, потратить уйму времени. Но я писатель, а не прокурор. Я излагал только факты. Выводы пусть делают другие, в том числе и те, кто назван или подразумевается в повести. Это дело их совести — возмущаться, делать вид, что ничего не произошло, или, сгорая от стыда, подать в отставку, показавшись в своих вольных или невольных грехах.

Но судя по всему, В. Маломуж от стыда не сгорает. Он продолжает работать секретарем Киевского обкома партии. Более того. Сотрудники ЧАЭС и бывшие жители Припяти с изумлением увидели имя В. Маломужа... в списке делегатов XIX партконференции от киевской областной парторганизации! Человек, имя которого неоднократно упоминалось на суде, когда речь шла о попытках исказить подлинный образ событий 26 апреля 1986 года, выступает сегодня в роли борборника гласности и перестройки! Оригинально, не правда ли?

Не все в порядке, на мой взгляд, и с наградами.

НИЧЕМ не награждены такие подлинные герои Чернобыля, как замечательный летчик Николай Андреевич Волкозуб (см. «Юность» № 7 за 1987 г., главу «Полет над реактором») и Анатолий Андреевич Ситников, отдавший свою жизнь во имя того, чтобы предотвратить катастрофу еще больших размеров... Без награды остался и безотказный трудяга, «чернорабочий аварии» Александр Эсаулов — заместитель председателя Припятского горисполкома, о котором рассказывалось в первой части повести.

Недопустимо медленно, на мой взгляд, решался беспорядный вопрос о награждении мужественных пожарных: разве нельзя было присвоить им высокие звания Героев Советского Союза, наградить их орденами ЕЩЕ ПРИ ЖИЗНИ — в начале мая 1986 года? Ведь не было же сомнений в том, что они совершили подвиг.

Просто медленно, по старым канонам работала машина награждений. А порою — даже сама процедура «выдвижения». Впрочем, бывали и любопытные исключения. Передо мною лежит «наградной лист» на бывшего первого секретаря Припятского горкома партии А. С. Гаманюка — человека, несущего личную ответственность за происшедшее на АЭС и получившего за это партийное взыскание.

В этом «листе» говорится: «С 4 мая после выхода из больницы принимает участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Аппарат городского комитета партии, руководимый А. С. Гаманюком, основной задачей считал и считает партийное влияние при ликвидации последствий аварии на население». Предлагалось наградить т. Гаманюка Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Украинской ССР. А под «наградным листом» стоит... подпись самого А. С. Гаманюка и печать Припятского горкома партии!

По-разному решался вопрос о наградах тем, кто трудился на ликвидации последствий аварии. Кто был удостоен орденов, кому были вручены грамоты или денежные премии. В одной из воинских частей мне показали самодельные значки, которые выдавались всем участникам ЛПА. Уникальные, надо сказать, значки. И все же, мне кажется, вопрос о на-

граждения всех тех, кто принял участие в событиях всемирно-исторического значения, до конца так и не решен.

Поэтому я обращаюсь к Президиуму Верховного Совета СССР с предложением учредить памятную медаль «Участнику ликвидации последствий аварии в Чернобыле». Самое трагическое событие после Великой Отечественной войны должно быть достойно увековечено, а его участники пусть получат то, что по праву заслужили.

И только одну привилегию следовало бы предоставить тем, кто получит такую медаль: привилегию в немедленном, внеочередном оказании высококвалифицированной медицинской помощи.

Что же дальше?

Размеренно-привычной стала жизнь Зоны: колонны автобусов, везущие из Зеленого Мыса и обратно очередную смену эксплуатационников; армейские подразделения, проводящие дезактивацию местности... От «Рыжего леса» осталось только одно дерево — многостовбная сосна, похожая на подсвечник. Под сосной — памятные знаки: здесь, на этой сосне, оккупанты во время войны вешали партизан...

В Зоне появилось много грызунов — мышей-полевков. Урожай зерна в 1986 году не был убран — вот они и расплодился. Кое-кто забеспокоился, опасаясь эпидемии, но сработали законы природы — налетели хищные птицы, объявились лисы, и установилось динамическое равновесие. Животный мир очень чутко отреагировал на уход человека из Зоны: из ближайших и даже отдаленных лесов дичь пошла в Зону. Появились и «краснокнижные» виды. «Человек, выходит, для них больший враг, нежели радиация», — сказал мне радиозоолог Николай Павлович Архипов, заместитель директора ПО «Комплекс».

А Юлия Борисовича Андреева, которого я уже представлял как сталкера, беспокоит, что до сих пор не выработана серьезная экологическая программа по Зоне.

Ю. Андреев:

«У нас сложилось ложное положение в науке. Основная наука по численности — ведомственная, которую и наукой называть не совсем корректно. Это обслуживание чьих-то интересов на некоем уровне. В 30-е годы у нас в стране был выбит целый слой интеллигенции — высококвалифицированных ученых, инженеров. А наплодили вот эту ведомственную армию псевдоученых.

Ведь что такое наука? Это прежде всего торжествующая объективность. Может ли быть, скажем, ведомственная арифметика? А ведомственная экология, как у нас оказалось, может быть. Могут быть ведомственные подходы и к техническим дисциплинам. К медицине. Это чудовищно. Уход от объективной истины. Следствие общей низкой духовной культуры общества. Склонность ко лжи ради собственной сиюминутной выгоды — вот как это называется.

Чернобыльская авария породила множество утопических проектов. В области экологии — это идея посадить бобовые растения, которые, дескать, вытянут все радионуклиды на себя, а мы их потом срежем и уберем...

Но серьезных экологических решений по Зоне не выдвинуто до сих пор. Нет ни одной стройной, законченной программы. Пришлось нам — техникам, инженерам, а не экологам — создавать такую программу. Мы разбили всю Зону на квадраты, изучили каждый квадрат и предложили способы, которые помогут на конкретном квадрате ликвидировать радиоактивное загрязнение. Способы эти разные, зависят от ландшафта, от особенностей самих загрязнений. Мы получили в этом деле помощь от украинской Академии наук, от ее вице-президента Виктора Ивановича Трефилова.

Наша программа рассчитана на 7—10 лет. Это программа дезактивации Зоны, уничтожения очага заразы. Может быть, мы совершаем ошибки. Наверное, совершасм. Но я считаю, что гораздо хуже — ничего не делать. огородить Зону, посадить в середине какого-то мудрого биолога, и вот он будет смотреть в микроскоп, а вокруг будет мертвая зона. Нет, нам не надо мертвых зон. Если следовать по этому пути, то мы через 300—500 лет вообще останемся без земли, потому что Чернобыль станет прецедентом: уничтожили — огородили — ждем.

Что меня окрыляет? Мы с моими молодыми сотрудниками — а это больше энтузиасты — разрабатываем не только технологию, но и создаем МАШИНЫ. Машины, которые позволят в щадящем режиме, сберегая природу, провести дезактивацию Зоны.

— Юлий Борисович, а какова техническая перспектива Чернобыля, в частности саркофага? Он что, вечно будет стоять на нашей земле?

— Что такое саркофаг? Если отбросить трагическую сторону аварии, то, в сущности, саркофаг — это блок, отслуживший свое. Сейчас начинается оформление концепция — как поступать с блоками, отслужившими свое. Американцы первую свою станцию уже сняли с эксплуатации. В принципе, самый радикальный выход — зеленая лужайка на месте блока. В этом есть глубокий смысл. В ином случае весь мир будет в конце концов уставлен этими гробами. Где же мы окажемся? У нас в Союзе некоторые блоки тоже выработали свой ресурс, они остановлены, нужно их разбирать. И саркофаг должен быть очищен от топлива, а затем разобран. Топливо же следует захоронить.

— По Киеву ходят панические слухи, что вот-вот саркофаг начнут ломать, разгрэбать. Мсня спрашивают: надо ли вывозить детей?

— Нет. Эта концепция еще изучается. Самойленко считает, что мы можем очистить саркофаг за три-четыре года. Он человек более молодой, более оптимистичный. Я считаю, что для этого потребуется шесть — восемь лет. Нужно подготовить роботов, специальные механизмы, оснастку. Задача даже для нашей организации очень сложная».

Чернобыль сдвинул наше сознание, образовал в нем некие черные дыры. Мой киевский друг Владимир Михайлович Черноусенко — старший научный сотрудник Института теоретической физики АН УССР, трудился в Чернобыле много и мужественно. И вот послушайте, какие изменения произошли после аварии в сознании типичного физика.

В. Черноусенко:

«Я думаю, что мы утратили мудрость народную: скупой и глупый платит дважды, но платит не деньгами, а жизнью... И поэтому если мы могли вложить миллиард на постройку блока, то я не могу понять, почему мы не потратили двадцать миллионов для того, чтобы этот блок был локализован мгновенно в случае какой-то катастрофы... И самое поразительно, что прошло два года, а мы ведь ни в чем не сдвинулись с места.

Два года мы с Юрием Самойленко пытались реализовать идею о создании «корпуса быстрого реагирования». Если мы создаем потенциально опасные для человечества — не для региона даже! — промышленные объекты, то должны с десятикратным опережением предусмотреть возможность аварии... Ведь вы посмотрите, сколько опасных аварий у нас возникло уже после Чернобыля! Почему же мы не учимся на собственных катастрофах? «Корпус быстрого реагирования» должен иметь четкую стратегию, обученный персонал, технику, чтобы реагировать на все локальные, а в случае необходимости и на глобальные катастрофы в любой точке земного шара. Разве это не гуманный идея, укладывающаяся в рамки нового мышления?! НА ЛЮБЫЕ АВАРИИ: ядерные, химические, промышленные...

Когда мы говорим сейчас о демократии, нас обнадеживает возможность вторгнуться в какую-то закрытую отрасль, для которой что регион Украины, что Белоруссия, что Куба — без разницы. Ты только прикажи, в каком регионе строить и работать, а нравственные начала... Поэтому даже те трагедии, что были в нашем государстве прежде — даже политические процессы 1937 года, сталинские репрессии, — они меркнут, поскольку на этот раз речь идет о полном самоуничтожении. И поэтому решения, затрагивающие жизнь и существование огромного количества людей, целой нации, должны быть демократичны. От момента их создания до их ввсдрения. Я понимаю, что может быть хороший руководитель, плохой, активный, пассивный, но это уже детали. Надо решать самые коренные вопросы жизни, бытия народа.

Надо менять взгляд на то, что мы творим. А нужно ли, скажем, ставить такой-то блок, если он технически несовершенен? И какую ты в нем ни посади команду к обслуживанию, она не спасет. А может быть, лучше ЛЭП проташить от Ледовитого океана сюда? Перед нами стоит дилемма: либо мы включаем демократические механизмы и прислушиваемся не только к мнению узкой группы людей — строителей, — а всего народа, либо мы погибнем.

В свое время я учился в Харьковском авиационном институте. У нас тогда разрабатывалась безумная идея: создать самолеты с атомным двигателем. Возить над головами людей всю эту гадость — реакторы, топливо. К счастью, идею

«зарубили». Но я запомнил это сумасшествие. А потом учился на ядерном отделении физфака Харьковского университета, сейчас занимаюсь теорией плазмы. И если честно сказать, то теперь, после Чернобыля, я бы не хотел создать плазменную энергетическую установку. Мы, физики, почему-то мало внимания обращали на окружающий мир. Слепота какая-то. Нам нужна была сиюминутная выгода и немедленный результат. Как обжечь природу? А природу обжечь не нужно. Она нам все подарила. Мы стонем, что нам не хватает энергии. Но если бы эти миллиарды рублей да направить на поиски экологически чистых источников энергии... Достаточно вывести десяток спутников на геостационарные орбиты — и мы могли бы обеспечить себя энергией на десять тысяч лет вперед. Спутники бы транспортировали солнечную энергию на Землю. И пока Солнце бы существовало, мы бы тоже существовали...»

Работая над первой книгой повести, я познакомился с удивительным человеком — академиком Валерием Алексеевичем Легасовым, которого сотрудники ласково называли «Валексеевич». Вижу его лицо простого мастера, слышу его характерный басовитый голос, вспоминаю выстраданные, беспощадные по правде слова о причинах наших бед, не только чернобыльских: причины крылись не в сфере чистой техники, а в области нравственной.

Теперь, когда пришла неожиданная и страшная весть о смерти Валерия Алексеевича, я снова вчитался в строки его монолога, опубликованного в седьмом номере «Юности» за 1987 год. Многие теперь переосмысливаются по-иному, и слова, сказанные Легасовым о поколении великих ученых и техников нашей страны, стоявших на плечах Толстого и Достоевского, можно было сегодня отнести к самому Валерию Алексеевичу: это он в своих мучительных поисках истины старался поставить науку на прочный фундамент морали. Опираясь на плечи гигантов литературы, он, химик, видел намного дальше, чем многие его коллеги, угадывая контуры будущих трагедий в неясной дымке будущего, предупреждая человечество об опасности бездумного тиражирования техники, беспредельного умножения ее дьявольских мощностей.

Владимир Степанович Губарев, писатель, журналист, лауреат Государственной премии СССР, автор пьесы «Саркофаг» и книги «Зарево над Припятью»:

«Смерть Валерия Алексеевича Легасова потрясла меня. Я давно знал Валерия Алексеевича — еще до Чернобыля. Он был не только великим ученым, но и писал стихи, любил театр, был подлинным мыслителем, пылливо интересовался многими явлениями нашей жизни.

Во время чернобыльских событий я увидел академика Легасова в деле, убедился в его умении моментально анализировать обстановку, принимать самые ответственные решения. Наши отношения окрепли в Чернобыле, и уже в «послечернобыльскую эру», в Москве, мы часто встречались с Валерием Алексеевичем, о многом откровенно говорили.

Осенью 1987 года он принял большую дозу снотворного. Почему он тогда это сделал? Валерий Алексеевич не отвечал на подобные вопросы... Может быть, случайность?

Я тогда впервые почувствовал, какая пропасть разверзлась между академиком Легасовым как личностью и ученым и окружающей его реальностью. Надо прямо сказать — как бы горько ни было, — что Валерий Алексеевич последние два года жил в некоем вакууме. Его друзья все видели, могут подтвердить это.

— В чем выражался этот вакуум?

— Вот пример. Я попросил его написать большую статью для «Правды». Статья называлась «Из сегодня — в завтра». Она была опубликована 5 октября 1987 года. В ней поднимались острые, принципиальные проблемы безопасности не только атомной энергетики, но и вообще крупных технологических систем. Так вот, статья эта БЫЛА ПРОСТО НЕ ЗАМЕЧЕНА теми, кого она касалась в первую очередь. Они даже не откликнулись на нее. Что-то вроде — ученый пописывает, мы почитываем, и все идет, как шло.

Полное игнорирование его мыслей и тревог — что может быть оскорбительнее для ученого?

Вакуум, о котором я говорил, во многом образовался после Чернобыля. Я убежден, что Чернобыль сыграл самую непосредственную роль в роковом решении Валерия Алексеевича уйти из жизни. И пусть помолчат ведомственные оптимисты, будь то медики или атомщики...

Конечно, никто не сможет однозначно ответить на вопрос

«почему?», мучающий сейчас всех, кто знал Легасова, любил его и дружил с ним. Тайна смерти — одна из самых сокровенных тайн Бытия... И все же мы должны разобраться, что же могло подтолкнуть академика Легасова к роковой черте. Потому что его смерть — это тяжелый удар по нашей науке, по всем нашим надеждам на победу правды и справедливости в жизни. Это укор всем нам.

Есть еще одно обстоятельство, над которым надо задуматься. Химик по специальности, Легасов никогда вплотную не занимался ядерными реакторами, достоинствами или недостатками их конструкций. И вдруг жизнь заставила его в Чернобыле заняться этим. Уже 27 апреля 1986 года он на БТРе одним из первых подлезал близко к 4-му блоку, чтобы понять, что произошло.

Он стал скрупулезно — характер у него такой — разбираться в причинах аварии, во всем комплексе этих причин. Многие ему открылось тогда, на многое он посмотрел иными глазами, потому что Чернобыль обнажил глубинные корни наших застарелых недугов. Вот как он писал об этом в своих воспоминаниях, а фактически — в своем завещании, опубликованном уже после его смерти 20 мая 1988 года в «Правде»: «После того, когда побывал на Чернобыльской станции, я сделал однозначный вывод, что чернобыльская авария — это апофеоз, вершина всего того неправильного ведения хозяйства, которое осуществлялось в нашей стране в течение многих десятков лет».

Я убежден, что после Чернобыля он стал другим человеком, как стали другими мы с вами. Он уже не все окружающее смотрел сквозь призму Чернобыля.

А это далеко не всем нравилось.

И вот нашлись люди, которые начали изо всех сил уменьшать роль академика Легасова в ликвидации последствий аварии. Хотя, повторяю, он играл в Чернобыле основную, самую ответственную роль. В самые горячие дни эти люди помалкивали, во всем соглашались с Валерием Алексеевичем. Но уже после того, как было сооружено «Укрытие», они начали впрямую критиковать Легасова за некоторые решения, принятые в первые дни аварии, приписывать ему то, к чему он вовсе не имел касательства.

Снова, в который уже раз, сработала старая наша болезнь: мы умеем ругать человека, умеем унижать его достоинство. В этом мы преуспеваем. Наука ненависти, обскурантизма, нетерпимости сидит в нас со сталинских времен. Но мы не умеем вовремя похвалить, сказать доброе слово, поддержать в трудную минуту того, кто стоит рядом. А потом бывает поздно...

С моей точки зрения, В. А. Легасов заслуживал присвоения ему звания Героя Социалистического Труда за подвиг в Чернобыле. Если не он, то кто же тогда? Почему же не дали ему эту звезду? Может быть, теперь, когда мы наконец-то поняли, КАКОГО УЧЕНОГО, КАКОГО ПАТРИОТА ОТЧИЗНЫ мы потеряли, может быть, стоит вернуться к этой идее и хотя бы ПОСМЕРТНО присвоить звание Героя академику Легасову? Думаю, это было бы в высшей степени справедливо.

Вакуум образовался не только в вопросах, связанных с Чернобылем. Делом жизни Легасова было развитие химии. Одна из характернейших его особенностей: он жил не сегодняшним и даже не завтрашним днем, а заглядывал дальше. Что будет послезавтра, уже в XXI веке?

А ведь серость, которая — увы — глубоко проникла в нашу науку, живет только сегодняшним днем. И потому эта серая плесень отвергла смелые идеи Валерия Алексеевича по созданию неформальных временных молодежных научных коллективов, нацеленных в будущее.

Конечно, ни одна из этих причин сама по себе не может быть, очевидно, решающей. Но все вместе они создавали мрачный психологический фон. Поймите, ведь он жил только наукой, он был одержим наукой. И когда он увидел, что даже после Чернобыля многие его предложения и предупреждения вязнут в трясине равнодушия, — он совершил то, чего мы не можем оправдать, с чем не можем смириться. Это был крик отчаяния...

Не исключено, что определенную роль сыграло и состояние его здоровья, ухудшившееся после Чернобыля. Ведь от радиации страдают иммунные системы. Поэтому Легасов в последнее время подолгу лежал в больнице. Ко второй годовщине аварии я хотел сделать с ним большой — на всю полосу «Правды» — материал: «Чернобыль: два года спустя». Но он пролежал до конца марта в больнице.

А 27 апреля 1988 года, во вторую годовщину Чернобыля, Валерий Алексеевич на 12 часов дня вызвал машину. Шофер

приехал точно вовремя. Вошел в квартиру... Легасов был уже мертв...

Еще одна трагедия Чернобыля, еще один удар колокола, еще одно напоминание всем нам. Ведь Чернобыль обозначил пропасть между знанием и невежеством, между правдой и ложью, между совестью и бесчестьем.

Валерий Алексеевич Легасов стоял на той стороне, где знание, правда, совесть. К сожалению, по другую сторону пропасти стояли и стоят его оппоненты. Они ведут борьбу тихо, почти незаметно, создавая вокруг таланта вакуум. Сейчас, в наши дни, они пользуются и «испытанным» оружием — клеветой, доносами, очернением. И не только при жизни, но даже и после смерти... Этому натиску «инквизиции XX века» надо дать беспощадный бой, иначе она может задушить... Гибель академика Легасова призывает каждого из нас к такой борьбе».

Недавно сталкер Ю. Андреев привез мне чернобыльский сувенир: зеленую квадратную кнопку с надписью 2AP2. Кнопку из БЩУ-4. Одну из роковых кнопок, которые нажимались в ночь на 26 апреля 1986 года незадолго до взрыва четвертого реактора.

Храню и помню.

Будущим историкам, уверен, еще предстоит оценить роль Чернобыля в пробуждении нашего народа, освобождении его от сталинского страха, вколоченного в наши души сызмальства, от брежневской спячки в гнилых водах застоя, равнодушия, примирения со всем несправедным и неправдым. Из понятия физического, технического, географического Чернобыль стал категорией нравственной, он навсегда вошел в души людей. Подобно замедленной цепной реакции он распространяется в умах и сердцах человеческих, заставляет людей ставить, не боясь, самые острые вопросы нашей жизни.

А тот, кто находит в себе мужество задавать непростые вопросы, уже не раб, но сознательный гражданин Отечества.

Чернобыль — слишком грозное и еще не познанное до конца явление, чтобы можно было легко преступить через него, предать все забвению, как хочется некоторым. Он неподвластен жалкой и временной власти отдельных должностных лиц. Нет никакого сомнения, что еще будут названы имена всех тех, кто принимал решения о за блокировании информации, кто пытался скрыть аварию и ее последствия, кто несет ответственность перед народом нашим, перед нашими детьми. Если не судом людским, то судом божьим (то есть высшим судом истории) будут сурово наказаны эти презренные прислушники лжи.

Сегодня, через два года после Чернобыля, ясно видится, что волна, поднятая аварией, не только не пошла на убыль, но и нарастает. Общественное мнение Украины — и не только Украины — поднялось на борьбу с бездумным тиражированием АЭС, с непродуманным их размещением в болезненных точках, в стратегически уязвимых, густонаселенных районах нашей страны, и, хотя бы того или не хотят руководители Минатомэнерго СССР, им придется с этим считаться.

21 января 1988 года в газете «Літературна Україна» было опубликовано письмо академиков А. Алымова, Н. Амосова, А. Гродзинского и других видных ученых и энергетиков «А какой прогноз на завтра?», в котором ставились обоснованные и очень тревожные вопросы Министерству атомной энергетики. Это ведомство вознамерилось в дополнении к семи АЭС построить на Украине еще шесть блоков по миллиону киловатт каждый.

Публикация вызвала огромное количество откликов со всех концов республики. На первом заседании экологической комиссии Союза писателей Украины, председателем которой был избран я, была единогласно принята «Экологическая декларация», содержащая требование создать демократический механизм принятия ответственных решений в условиях гласности и конструктивного диалога с общественностью.

Прошли времена всепокорного молчания перед любыми проявлениями ведомственного произвола.

На заседании приводились следующие цифры: на территории Украины, занимающей лишь 2,7 процента всей территории СССР, расположено почти 25 процентов всех советских блоков АЭС. Между тем, по мнению специалистов, только 10 процентов украинских грунтов отвечают требованиям, предъявляемым к строительству АЭС. Если же учесть самую высокую плотность населенных пунктов на территории УССР, то станет ясно, что вопросы размещения атомных станций здесь требуют чрезвычайно ответственного подхода, особенно после аварии на Чернобыльской АЭС.

Никого больше не убеждают бодрые телевизионные заявления специалистов Минатомэнерго СССР о том, какая замечательная степень безопасности достигнута наконец-то на атомных реакторах. Не верят люди. Миф о безопасности и экологической «чистоте» ядерной энергетики навсегда рухнул в Чернобыле.

Игнорировать чернобыльский шок — значит совершать очередную непростительную глупость.

Так думает подавляющее большинство украинского народа. Это, без преувеличения, единодушное мнение очень точно выразил украинский поэт Борис Олейник, заявивший с трибуны XIX Всесоюзной партийной конференции: «Я привез обращение к XIX Всесоюзной партийной конференции общественности республики «О пересмотре программы развития энергетики на Украине», под которым стоит свыше шести тысяч подписей. Высокомерие и пренебрежительность некоторых союзных инстанций, и прежде всего Минатомэнерго, к судьбе Украины граничат не только с какой-то немилосердной жестокостью, но и с оскорблением национального достоинства. Я вспоминаю, как, требуя строительства Чернобыльской АЭС, некоторые, посмеиваясь над «украинским синдромом», говорили: да это же настолько безопасно, что можно вмонтировать реактор под ложе новорожденным».

Мы не опустимся до того, чтобы рекомендовать перемешникам ставить свои кровати у четвертого реактора. Но мы вправе потребовать привлечь к персональной ответственности проектировщиков, допустивших грубейшие просчеты в выборе площадок для АЭС на Украине. В частности, сооружение Ровенской АЭС на карстовых землях уже привело к перерасходу многих миллионов народных рублей. Строительство Крымской АЭС на тектонических разломах в условиях подъема грунтовых вод грозит катастрофой. А проект спаренных энергоблоков 3-го и 4-го на ЧАЭС, а радиоэкологическая обстановка, сложившаяся после аварии на ЧАЭС в Киевской, Житомирской, Черниговской, Ровенской, Черкасской областях и некоторых районах нашей синеекой сестры Белоруссии? А история с Чигиринской АЭС, строительство которой под давлением общественности обещали остановить, но идут слухи, что строят?..

В указанном обращении даны научно взвешенные альтернативы. Не надо только сразу «шить» опознавательные знаки в том смысле, что кто-то не хочет АЭС именно на Украине, а пусть, мол, у других. Нет, естественно, мы за развитие энергетики. Но есть пределы, пределы насыщения, преступать которые просто преступно».

Чернобыль — событие беспрецедентное в мировой истории, с которым не сравнится ни одна известная до сих пор катастрофа. Ни гибель «Титаника» или «Адмирала Нахимова», ни аварии авиалайнеров, ни взрывы в шахтах, какими бы тяжкими жертвами они ни сопровождались, нельзя сравнить с тем, что случилось в Чернобыле: эта «звезда «Польны»» словно была послана из будущего, из XXI века, нам всем как грозное предупреждение — опомнитесь, задумайтесь над всем ходом цивилизации, сделать, пока не поздно, серьезные выводы.

Впрочем, первые серьезные сигналы, первые предупреждения были посланы нам еще из века XIX: вспомним Достоевского, Толстого, Жюль Верна, Энгельса, Вернадского. Каждый из них по-своему предупреждал нас. Не слушали... Не верили... Думали: они ничего не понимают. Они наивны и старомодны. Мы — победители, нам все доступно, мы все можем! Можем забыть про совесть и десять заповедей, можем быстро, в ударно-ускоренном порядке, планомерно создать нового, идеального человека — стоит лишь хорошенько его повоспитывать в школе и на политинформациях. А пришли — к Чернобылю. Пришли к кризису веры. Пришли к краю пропасти...

...Наступила пасха 1988 года, и моя дочь Богдана решила сделать подарок бабушке — моей маме, лежавшей в больнице, — человеку глубоко верующему. По давней украинской народной традиции расписала ей пасхальные яйца — «писанки». Светлый, прескрасный обычай, идущий еще из языческих времен: яйцо — это символ жизни, весны, солнца. Каков же был мой ужас, когда среди прочих я увидел одну «писанку» с изображением атома, силуэтом Чернобыльской АЭС, колючей проволокой и надписью: «Запретная зона!» Первая чернобыльская «писанка» в истории моей Украины.